

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ**

Д.И.ВАЛЕНТЕЙ

в воспоминаниях коллег и учеников

***(К 40-летию создания Лаборатории
экономики народонаселения
и демографии
экономического факультета МГУ)***

под редакцией Р.С. Ротовой и М.Б. Денисенко

Москва
МАКС ПРЕСС
2006

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ**

Д.И.ВАЛЕНТЕЙ

в воспоминаниях коллег и учеников

***(К 40-летию создания Лаборатории
экономики народонаселения
и демографии
экономического факультета МГУ)***

под редакцией Р.С. Ротовой и М.Б. Денисенко

Москва
МАКС ПРЕСС
2006

Д.И. Валентей в воспоминаниях коллег и учеников: к 40-летию создания Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ / под ред.: Ротовой Р.С. и Денисенко М.Б. – М.: МАКС Пресс, 2006.

Компьютерный набор: м.н.с. Авдеева М.А,
м.н.с. Макушина М.М.

Этот сборник воспоминаний отображает важный этап в истории отечественной демографии – становление шестидесятих годов нового, комплексного подхода к изучению населения. Его главным инициатором и организатором был Д.И. Валентей. В «Воспоминаниях» авторы показывают условия, в которых протекала его деятельность по созданию на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова лаборатории, кафедры и на их основе Центра по изучению проблем народонаселения, по организации подготовки кадров демографов широкого профиля, дополнительного демографического образования госслужащих, по обоснованию введения в нашей стране мер государственной помощи семье при рождении детей. Много внимания уделяется обстановке творчества и демократизма, которую создавал Дмитрий Игнатьевич в коллективе Центра. Статьи написаны живым языком.

Для интересующихся демографией и ее историей, для студентов и преподавателей

Ротова Р.С., Денисенко М.Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О лаборатории, кафедре и Центре народонаселения (ЦН) экономического факультета МГУ, о новом в отечественной науке комплексном подходе к изучению народонаселения написано с 60-х годов достаточно много брошюр, статей, докладов, справок в высокие руководящие инстанции нашей страны. Например, о Центре народонаселения вышли отдельные брошюры: в 1975 г. «Центр по изучению проблем народонаселения Московского университета» и в 1986 г. – В.М. Медков, Д.К.Шелестов «Комплексное изучение проблем народонаселения». Вышедшая к 250-летию МГУ им. М.В.Ломоносова «Энциклопедия Московского университета. Экономический факультет» (аналогичные тома вышли и по каждому из факультетов) содержит по-энциклопедически краткие статьи о лаборатории, кафедре и Центре народонаселения. В них отражены все важные вехи в организации, теоретические, научно-практические и педагогические достижения ЦН, освещены новые направления научной и педагогической деятельности коллектива.

В настоящее время эти достижения являются неоспоримыми, и их не приходится развернуто аргументировать. Однако многие научные идеи, оценки деятельности Центра и его основателя Дмитрия Игнатьевича Валентя уже настолько повторяются, почти в одних и тех же выражениях, что кажутся сотворенными кем-то, отделенным от реальных событий, от людей, вкладывавших в работу и учебу свой ум и способности, энергию, эмоции, порой здоровье.

Чем дальше уходят от нас прошлые годы, тем настоятельнее хочется представить всю работу в реальных буднях того периода, в «живых картинках», почувствовать атмосферу творчества, товарищества, борьбы с трудностями и препятствиями, нередко возникавшими перед нами, прикоснуться к чувствам радости преодоления трудностей. Судя по тому, с какой готовностью восприняли многие авторы этого сборника написать свои воспоминания, связанные с ЦН и его первым руководителем,

потребность в живых картинках сегодня назрела. Мы думаем, что сборник не без интереса могут прочитать не только члены коллектива Центра народонаселения.

В сборнике отражены многие стороны организационной, научной, учебно-педагогической и просто житейско-будничной деятельности тех, кто работал или и сейчас работает в ЦН. Некоторые факты впервые широко обнародованы, например, в воспоминаниях [А.П.Судоплатова], С.Ф.Иванова, Г.Ш. Бахметовой, В.Х. Эченикэ и других авторов. Эти факты дают представление об идеологически-административных препонах, часто возникавших на пути становления новой организации работы в вузе, нового направления в науке и их главного творца Д.И. Валентя.

Много внимания уделено чисто человеческим отношениям, в которые приносил свою простоту, открытость и интеллигентность руководитель ЦН. И неслучайно во всех воспоминаниях лейтмотивом проходит личность самого Дмитрия Игнатьевича. Если взглянуть на то, сколько он «пробил» для науки, демографического образования и Центра менее чем за 30 лет, то становится ясным, что иначе и быть не может. Хочется привести в хронологическом порядке наиболее важные даты в организации работы ЦН под руководством Д.И. Валентя.

1960-е гг. - демография официально признана учебной дисциплиной по заключению экспертов ЮНЕСКО.

1963 г. – создание Координационного совета по проблемам народонаселения при Научно-техническом совете Минвуза СССР, объединившего вузовских ученых и содействовавшего развитию демографических исследований в высшей школе.

1965 г., апрель – создание проблемной лаборатории по вопросам изучения народонаселения на экономическом ф-те МГУ.

1966 г. – организация координационного совета МГУ по проблемам народонаселения и занятости, объединившего 9 ф-тов МГУ.

1967 г. – организация кафедры народонаселения на экономическом ф-те МГУ.

1968 г., апрель – организация Центра по изучению проблем народонаселения (ЦН) на экономическом ф-те приказом ректора МГУ И.Г.Петровского. Оформление ЦН как опорной базы секции народонаселения Научно-технического совета Минвуза СССР.

1971 г. – первый выпуск студентов-демографов. Всего

специализацию по кафедре народонаселения прошло более 500 студентов. Более 140 человек закончили аспирантуру по специальности «Экономика народонаселения и демография». Десятки специалистов из всех союзных республик стажировались в ЦН, защищали кандидатские и докторские диссертации.

1970-е гг. - под руководством Д.И. Валентея разработана программа курса «Демография» для экономических факультетов университетов и экономических вузов.

1970 гг. - начало чтения демографической дисциплины в экономических вузах, на экономических и социологических факультетах вузов.

1970-1990 гг. – чтение лекций по демографии в МГУ на историческом, философском и социологическом ф-тах, в ИСАА (Институт стран Азии и Африки).

1973 г. – введение специальности 08.00.18 «Экономика народонаселения и демография» для защиты диссертаций.

1973 г. - начало изданий учебных пособий «Основы теории народонаселения»- 1-е изд.; 1977 г. – 2-е изд.; 1986 г. – 3-е изд.

1973 -1988 гг. - издание ежеквартальных сборников серии «Народонаселение». Всего издано 55 выпусков. Главный редактор – Д.И. Валентей.

1977-1991 гг. - на базе ЦН функционируют курсы ООН при МГУ для специалистов по демографии из развивающихся стран.

1979 г.- начало проведения Центром народонаселения Всесоюзных школ-семинаров: 1979 г. – в Бресте; 1982 г. – в Саратове; 1987г. – в Йошкар-Ола; 1991г.- в Ашхабаде.

1983-84 гг. – под руководством Д.И. Валентея разработана программа курса «Основы демографии» для студентов, не специализирующихся по кафедре народонаселения, а также для экономических факультетов университетов и экономических вузов. В настоящее время более чем в 30 вузах читают различные демографические курсы.

1984-1992 гг.- работа в составе ЦН спецотделения по переподготовке кадров по демографии. Спецотделение окончили всего 170 человек из разных регионов России и союзных республик СССР.

1985 г. – издание первого в мире и в России «Демографического энциклопедического словаря». Главный редактор Д.И. Валентей.

1993 г. январь – оформление ЦН как опорной базы
Головного совета по народонаселению при Минобразования РФ.

1994г. - новое издание «Энциклопедического словаря
Народонаселение».

Перечень этих основных (далеко не всех) документально оформленных событий в жизни ЦН показывает огромную работу, проделанную его сотрудниками, и, прежде всего титанический труд основателя и первого руководителя лаборатории, кафедры и Центра народонаселения Валентя, постоянно генерировавшего все новые идеи в науке, в организации научных исследований и высшего образования в нашей стране. Поэтому хочется, чтобы остались в памяти материалы, не только отраженные в научных публикациях и разных документах того исторического периода, когда он работал над созданием Центра и в Центре народонаселения, но и различные факты из его и нашей жизни, когда у него учились и с ним работали его последователи, его ученики.

Судоплатов А.П.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛИСЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИИ В МГУ

С каждым днем эти годы, события, страсти и привязанности уходят от нас все дальше и дальше. Изменились правила поведения общества, все меньше внимания уделяется вопросам будущего страны на основе прогресса фундаментальной науки. В ходу ярлыки, навешиваемые на обществоведов, философов, экономистов 60-70 годов XX века как идеологов схоластики и застоя в науке.

Демографии вроде бы повезло, наряду с социологией в эпоху так называемого «застоя» она вышла на новые рубежи развития в Советском Союзе, и, пожалуй, добилась в МГУ наиболее впечатляющего успеха, который упорно замалчивает, игнорирует и часто дискредитирует ряд сегодняшних «классиков» российской демографии. Речь о том, что под руководством профессора Д.И. Валентя в МГУ в 60-70 годы утвердилась и получила свое продуктивное развитие отечественная демографическая школа в области науки и подготовки кадров. Наиболее существенные черты этой школы определялись тем, что она утвердилась не в сфере

статистики населения, а, прежде всего по проблематике регулирования государством и обществом противоречивых тенденций и процессов социально-демографического развития.

В нашей специальной литературе в 1930-1960 гг. экономические, социологические и биологические закономерности воспроизводства населения неправомерно смешивались. Теоретические поиски в этом направлении сводились к поиску наиболее точных формулировок и характеристик проявления действия экономического закона населения при социализме как закона полной занятости экономически активного населения в противовес наличию относительного перенаселения при капитализме.

В 1970-1990 гг. в отечественной демографии на базе развития ряда теоретических положений К. Маркса и Ф. Энгельса был осуществлен важный прорыв. Наметился отход от поиска идеальной формулировки одного единственного экономического закона роста и воспроизводства населения. Профессором Д.И. Валентеем была сформулирована концепция существования системы законов развития народонаселения, присущих соответствующим социально-экономическим формациям, и универсальный всеобщий закон развития народонаселения (по аналогии с законом перемены труда).

На фоне этих событий я и пришел на преподавательскую работу на только что созданную кафедру народонаселения экономического факультета МГУ. Вскоре, когда я уже работал на кафедре, в моей судьбе произошел очередной поворот: после краткого прикомандирования к международному отделу ЦК КПСС для работы на совещании коммунистических и рабочих партий в 1971 г. я оказался по совместительству на государственной службе в Московском университете в связи с организацией курсов ООН по демографии на базе ЦН. Таким образом, для меня как бы приоткрылась дверь в ту область, которая при обсуждении перспектив развития демографической науки в стране оставалась за кадром научных дискуссий, статей в научных журналах и сборниках.

Пионером утверждения государственного внимания к демографии как научному направлению, способному дать рекомендации по непрерывно ухудшающимся показателям рождаемости, смертности и т.п. процессов в нашей стране, безусловно, был Д.И. Валентей. Он должен был преодолеть

колоссальное противодействие руководства ЦСУ, поддерживаемого ЦК КПСС, которое категорически возражало против какой-либо дополнительной головной боли в сфере социальной политики.

Сложность ситуации состояла в том, что в стране тогда не было государственного органа, отвечавшего за проведение социальной политики. И вся она сводилась к взаимодействию Комитета по труду и заработной плате с ВЦСПС (Центрального совета профсоюзов). Поэтому на всех, кто занимался вопросами возможной политики государства по регулированию роста населения в стране, руководители ЦСУ В. Старовский и П. Подъячих навешивали ярлык неомальтузианцев.

Д.И. Валентей, к тому времени добившись при поддержке Министра высшего образования В. Елютина и ректора МГУ И. Петровского организации в 1965 г. проблемной лаборатории народонаселения в МГУ, а в 1968г. – соответствующей кафедры, действовал хотя и по правилам советского общества, но вместе с тем обходным путем. Он понимал реальное соотношение сил и стремился втянуть в дискуссию о будущем демографии руководство Академии наук (его поддерживал вице-президент А.М. Румянцев), и внешнеполитические ведомства – МИД и международный отдел ЦК КПСС.

В 1965г. Д. Валентей подружился на конференции ООН по народонаселению в Белграде с тогдашним руководителем ЦСУ Югославии М. Мацурой. Как «именинник» конференции (он один из ее организаторов) М. Мацура вскоре становится директором отдела народонаселения секретариата ООН, и в 1970г. ООН официально обращается в правительство СССР с просьбой об организации на базе кафедры народонаселения МГУ курсов ООН по демографии и планированию социального развития для англоязычных специалистов развивающихся стран.

Так вопросы демографии помимо воли руководства ЦСУ и других законодателей научной моды в отделе науки ЦК КПСС вышли на уровень проработки политических вопросов.

Следует вспомнить, что в 1970г. Д.И. Валентей по приглашению М. Мацуры будучи в ООН впервые ознакомился с работой более 10 ведущих научных центров по изучению народонаселения в США. По приезде в Москву он разослал в ряд инстанций свой отчет с описанием этих центров и с выводами о серьезном отставании отечественной демографии. Отчет вызвал

резкую реакцию в отделе науки ЦК КПСС со стороны зав. сектором экономических наук, а потом - вузов П. Скипетрова.

Вместе с тем правила партийной и советской бюрократии соблюдались. МИД переправил предложение ООН о курсах по демографии на согласование в международный отдел ЦК КПСС. Там его поддержал близкий знакомый Д. Валентея профессор Р. Ульяновский (пострадавший в свое время от репрессий), бывший тогда зам. зав. этим отделом. Он доложил вопрос секретарю ЦК КПСС Б. Понамареву и получил резолюцию «поддержать». Идти против воли секретаря ЦК КПСС никто прямо не осмелился, но спицы в колеса стали активно вставлять на всех этапах «начавшегося большого пути».

Время шло, вроде бы ничего не менялось, и вдруг новый разворот событий. В МГУ побывал по приглашению секретаря парткома В.Н. Ягодкина председатель Совета по изучению народонаселения США Б. Берельсон, тогдашний советник известного магната и спонсора изучения населения Д.Рокфеллера, занимавший видное место в американском истеблишменте. Берельсон был настолько очарован Д. Валентеем, широтой его политических взглядов на будущее демографии и науки о населении, что пригласил его в США на узкое совещание в 1973 г., где «теневой» кабинет политиков, финансистов, международных представителей различных религиозных конфессий прорабатывал повестку дня предстоящей очередной конференции ООН по народонаселению в Бухаресте в 1974 г. В силу участия в подготовке и проведении этой конференции представителей правительств большого числа стран эта конференция стала первой в мире межправительственной конференцией ООН по народонаселению. С 1974 г. статус Всемирных конференций по народонаселению значительно возростал - правительства многих государств впервые брали на себя обязательства включать проблемы населения в государственные программы развития своих стран.

Конечно, приглашение Валентея на узкое совещание было не случайным, уже тогда шло первое после войны сближение советского и американского руководства, эпоха первой разрядки и встреч Никсона, Форда, Картера с Брежневым. Вот тогда-то, воспользовавшись своей государственной службой, я предложил Д. Валентею проконсультроваться накануне поездки в США не в Минвузе, а в МИДе. Но чтобы там беседа не носила характера

протокольного приема, я посоветовал попросить Ульяновского позвонить в МИД из ЦК КПСС. «А что просить у Ульяновского?», - спросил Д. Валентей. «Только одно, чтобы вас приняли в нашем представительстве при ООН ни как очередного профессора из Москвы, а как человека с поручением. Шифровкой доложить в Москву в инстанцию МИД о «теневой» проработке для будущей конференции ООН в Бухаресте вопросов большой политики, предполагавшей поддержку румынского сепаратизма в социалистическом содружестве».

Эти шаги Валентея поддержал наш посол при ООН О.Трояновский. Он в свое время был обязан Д. Валентею (бывшему до 1961 г. деканом переводческого факультета Института иностранных языков, называющегося в настоящее время Московский государственный лингвистический университет) тем, что, работая в Совмине, экстерном в 50-е годы получил диплом иняза.

Шифровка представительства с информацией Д. Валентея в мае 1973г. была разослана по большой разметке во все инстанции, так что игнорировать позиции ученых стало труднее.

Этот успех был закреплен усилиями научного коллектива и всем потенциалом Центра народонаселения экономического факультета МГУ. События развивались так. В середине мая 1973г. мы на три дня (при содействии консультанта отдела пропаганды ЦК КПСС Б.Владимирова, работавшего с Д. Валентеем в журнале «Экономические науки») уехали на дачу ЦК КПСС в Раздорах. Там родилась пятистраничная записка в ЦК КПСС «О назревших вопросах изучения народонаселения». Она легла на стол члену политбюро секретарю ЦК КПСС А.П. Кириленко. Это стало возможным, поскольку записка была увязана со спецтелеграммой МИД, но главным, конечно, было то, что помощником Кириленко был хороший знакомый Д. Валентея по тем же «Экономическим наукам» И.П. Помялов. В записке мне принадлежало только два абзаца из его международного раздела по сотрудничеству с ООН и «крамольная» мысль о том, что нельзя всю проблематику вопросов народонаселения страны и международного сотрудничества в этой области курировать по линии ЦСУ СССР, потому что там изучение указанных вопросов сводится лишь к фиксации событий, а не к разработке предложений по активному на них воздействию.

Параллельно завершалась разработка тома справочника Центра

народонаселения о состоянии демографических проблем в СССР и зарубежных странах. Когда документы были готовы, Помялов позвонил ректору МГУ Р.В. Хохлову и предложил войти по этому вопросу в ЦК КПСС с официальной запиской от МГУ. Такое письмо ушло закрытой почтой в июне 1973г. Была создана комиссия, решение же по записке было вынесено 24 февраля 1974г. Результатом было создание новой комиссии, преобразование Комитета по труду и заработной плате в Комитет по труду и социальным вопросам, преобразование ЦСУ в Госкомстат. Последовало решение ЦК КПСС и Совмина от 5 февраля 1975г. о создании курсов ООН по демографии при МГУ, резкое расширение штатов проблемной лаборатории народонаселения. Это было интересное время, но и оно было полно интриг и нервозности.

Д.И.Валентей в критический период столкновений и борьбы мнений в ЦК КПСС уехал на месяц на Кубу. Весь удар пришелся на меня и на Р.В. Татевосова, временно замещавшего Валентея в Центре народонаселения. Именно мы, 23 февраля 1974г. писали последнюю справку для секретариата ЦК КПСС и передали ее вечером того же дня в партком МГУ В.Протопопову и декану экономического факультета М. Солодкову. А дальше нас очень интересно попытались подставить. Внезапно Минвуз «утерял» документ с визой зам. министра А. Шапошниковой о согласии на организацию курсов ООН в МГУ. Хорошо, что у меня было свое «делопроизводство» с копией этого письма в МИДе и в отделе техпомощи ООН Госкомитета по внешнеэкономическим связям. Но, как всегда, когда неприятности у начальства наверху, их суть до самих исполнителей, доходит с опозданием. Я был вызван на ковер к ректору МГУ Хохлову, но догадался захватить с собой папку дублирующих документов, хранившуюся в первом отделе МГУ. Там была и копия письма А. Шапошниковой.

Хохлов очень вежливо объявил мне о выговоре за нарушение правил подготовки документов для ЦК КПСС и за обман Минвуза. К его изумлению я положил перед ним копию того самого письма. Он прямо изменился в лице, побледнел, но тут же взяв себя в руки, набрал телефон зам. зав. отделом науки ЦК КПСС В. Стрижова и разговаривал с ним как с мелким чиновником, трижды (!!!) напомнив ему, что говорит с ним как член ревизионной комиссии ЦК КПСС, которым вскрыты крупные недостатки (на примере якобы пропажи письма А. Шапошниковой) и сбои в работе

партийной инстанции. Вопрос тут же был исчерпан, решение состоялось. Лишь позднее я осознал, что Хохлов на 180 градусов развернул ситуацию в свою пользу и использовал этот эпизод, чтобы избавиться от надоедавших ему мелочной опекой старых кураторов отдела науки ЦК КПСС. Неслучайно все они были вскоре убраны из аппарата ЦК КПСС.

Большая политика вошла в демографию в Московском университете и сыграла двоякую роль. Наша инициативная постановка вопроса о приоритете в государственной политике значения взаимосвязей демографических, социально-экономических и экологических процессов оставалась декларативной. Это направление у нас не получило должного развития, а в ООН оно было подхвачено - там громадный коллектив разработал и реализовал контуры концепции человеческого потенциала и капитала. Центр народонаселения, первым поставив многие научные проблемы, к сожалению, не смог их в должной мере реализовать. Но мы все-таки сыграли свою роль, дав колоссальный импульс выходу проблем демографии на уровень внутренней и внешней политики. Они стали важным направлением деятельности научных коллективов Госкомстата, и что еще более важно, Академии наук СССР, в структуре которой был, наконец, создан Институт социально-экономических проблем народонаселения.

Следует отметить, что при сохранении партнерских отношений с Академией наук, где к успехам и идеям Д.И. Валентея относились с большой сдержанностью, по некоторым вопросам мы все равно лидировали, правда, результаты наших записок, например по этнической дифференциации демографических процессов и национальным проблемам, реализовывались своеобразно. Вместо дополнительных индикаторов по демографическому развитию республик Средней Азии Д.И. Валентею как члену комиссии ЦК КПСС пришлось в 1980 г. завизировать справку решения секретариата о необходимости кардинального улучшения преподавания русского языка в отдаленных национальных районах республик Средней Азии и Закавказья.

Центр народонаселения сыграл важную роль в выводе демографии на страницы официальных документов ЦК КПСС, XXIV-XXVI съездов КПСС, программы партии, принятой в 1986г. Демографическая политика была впервые легализована, поднята на уровень задач практической работы плановых и управленческих

органов.

В заключение несколько слов опять-таки о международных делах и другой большой удаче и достижении именно ученых МГУ, которые способствовали официальному вступлению СССР в 1987г. в Фонд ООН по народонаселению. Это решение от 5 ноября 1987г. (ЦК КПСС и Совмин СССР) известно. Россия и ныне продолжает свое участие в работе Фонда в рамках этого решения, не отказавшись от него.

Вступлению в Фонд предшествовала тяжелая и изнурительная работа. Вплоть до 1982г. возражения МИДа и Минфина, а так же Госкомстата были «непробиваемы». И дело было даже не в деньгах, ведь предлагалось расходы на курсы ООН по демографии объявить нашим добровольным взносом в этот Фонд, возглавлявшимся видным дипломатом, одно время претендентом на должность президента Филиппин Р. Саласом.

Но прорыв пришел с неожиданной стороны. Салас стал близок с китайским руководством после переписи населения в Китае, и в одной из бесед с китайцами, выразил мысль о своем посредничестве в урегулировании конфликтных отношений между СССР и КНР. Об этом немедленно было доложено руководству наших внешнеполитических инстанций.

Р.Салас вскоре становится почетным доктором, профессором МГУ. Он при некотором нашем участии и при посредничестве нашего представителя при ООН О.Трояновского активно участвует в первом раунде секретных советско-китайских консультаций (тогда скрытом от многих). А на курсах ООН в Советском Союзе впервые после долгого разрыва появляются китайские слушатели (впрочем, хлопот с ними хватало и в Прибалтике и в Закавказье, когда слушатели курсов знакомились с решением проблем национальных отношений в этих республиках). Китайские слушатели стремились установить связи с известными националистическими элементами в СССР, зондируя у нас всюду, где можно, недовольство Афганской войной. Но это уже другая история. Регулярная информация в ЦК КПСС по китайской проблематике, в том числе и подписанная Д.И. Валентеем, сыграла свою серьезную роль.

В 1986г. Советское представительство при ООН официально поставило вопрос ЦК КПСС о нашем вступлении в Фонд по народонаселению. К сожалению, Р.Салас скончался в том же году после свержения своего заклятого врага президента Филиппин Ф.

Маркоса, изгнавшего его из страны еще в 1968г. Конечно, в решении о вступлении были и личные моменты. Супруга Горбачева и ее дочь О.Верганская (по мужу) очень интересовались вопросами планирования семьи. Последняя даже работала одно время в лаборатории медицинской демографии под руководством известнейшего специалиста профессора М. Бедного.

Настоящие заметки не претендуют на то, чтобы подчеркнуть определяющую роль личных связей и знакомств Д.И. Валентея для развития демографии в МГУ. Здесь, конечно, главным были достижения в науке, хотя нам, к сожалению, не все удалось сделать. Сыграли свою роль личные антипатии, а порой - и боязнь развивать то научное направление, в котором кто-либо из руководителей чувствовал себя недостаточно компетентно. Именно поэтому многие прятались за «спасительную спину» идеологизации научных проблем и намеренно уходили от практических решений, затягивая их. Тем не менее, политические кулисы, стечение обстоятельств, императивы международной политики, сыграли, несомненно, важную роль в развитии демографии в МГУ и, очевидно, во всем Советском Союзе в 1970-1991 годы.

Иванов С.Ф.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Писать о Дмитрие Игнатьевиче Валентее приятно и трудно. Приятно потому, что вот уже больше тридцати лет он занимает одно из центральных мест в моей жизни. Но трудно дается этот жанр тому, кто имеет дело с таблицами, графиками и написанными «птичьим языком» текстами. Не буду претендовать ни на стройность изложения, ни на мемуарную хронологию.

По-моему, главными достижениями Дмитрия Игнатьевича и созданного им Центра народонаселения было институциональное возрождение в шестидесятых годах демографии – до того почти полностью истребленной дисциплины, и ее расширение в систему знаний. Это мнение популярно не только на родине, но и имеет авторитетную поддержку в другой стране, где исследования народонаселения особенно продвинуты и на чью реакцию и тогда и

сейчас принято чутко реагировать.

В начале восьмидесятых годов Мюррей Фешбах, долгое время возглавлявший сектор Советского Союза в американском Бюро переписей, а в тот момент занимавший пост главного демографа в штаб-квартире НАТО (что поражало наше воображение), подготовил для американских ВВС доклад о советских дискуссиях по политике народонаселения. Треть 80-страничного текста занимает глава «Валентей и система высшего образования». Отреферированный и прокомментированный в Центре народонаселения МГУ доклад произвел впечатление на наших «кураторов» в ЦК КПСС. Он содействовал признанию демографии и укреплению авторитета Центра. Когда я пару лет назад рассказал об этом Мюррею, он был очень польщен и, помимо, справедливо заметил, что это был редкий эпизод холодной войны, когда не очень дружественные учреждения по разные стороны Атлантики вместе сделали хорошее дело.

Система знаний о народонаселении была не мертворожденной конструкцией, как думают некоторые, а очень перспективным подходом, причем не только в гносеологическом, но и в онтологическом смысле. Системное рассмотрение факторов и последствий демографических процессов, а также других типов «движения населения» само по себе не было открытием Центра, поскольку комплексный подход к демографическим процессам в то время уже широко использовался на Западе. Однако «введение в научный оборот» этих идей в СССР в тот период было особенно важно, в том числе для легализации опальной демографии. Кроме того, в рамках этого валентеевского научного направления были предложены многие интересные подходы, определены перспективные узловые точки междисциплинарных исследований, намечены контуры широкой и внутренне взаимосвязанной народонаселенческой проблематики.

Книги по системе знаний и Энциклопедия стали серьезным вкладом, как в демографию, так и в сопредельные дисциплины. Широта этого подхода могла подчас мешать сосредоточиться на конкретном предмете, но она всегда создавала благодатный климат для дискуссий, в том числе на интереснейших, прямо-таки возрожденческих валентеевских субботних аспирантских семинарах. Масштабные ориентиры системы знаний сохраняют свое значение и сегодня. Некоторые из них удалось достичь (не

обязательно в качестве прямой реализации заветов), как я думаю, под влиянием идей Д.И., в том числе и в прямой полемике с ним. Другие описанные в его трудах компоненты системы знаний, быть может, утратили актуальность, а некоторые оказались ошибочными. Но сейчас, как мне кажется, полностью актуальна главная идея о многослойности и многогранности процессов народонаселения, из чего следует, что разбираться в них надо, используя разные инструменты, а не один лишь хитрый статистический аппарат или идеальные конструкторы.

Созданный Д.И. Валентеем Центр, совместивший преподавание и исследования, был новинкой в системе советского высшего гуманитарного образования. Центр долго оставался и остается уникальной структурой, которую нашему руководителю приходилось отстаивать в верхах. Да и впоследствии такие структуры в нашей стране не очень-то привились, в чем справедливо упрекают наши университеты. Кстати, странно слышать, что на центральных этажах ГЗ (главного здания) МГУ вынашивают идею ликвидировать лаборатории. Дмитрий Игнатьевич хорошо понимал и не жалел сил доказывать другим, что без исследований преподавание неэффективно, а наука теряет возможность использовать молодые таланты. Конечно, Центр ни при Валентее, ни тем более после него все-таки не добился истинного симбиоза науки и учебы, однако очень важные шаги в правильном направлении были сделаны. Поскольку именно так организованы университеты во многих странах Запада, и, прежде всего в США, могу предположить (хотя и не знаю наверняка), что в то время, когда полыхала холодная война, Д.И. пришлось с трудом отстаивать свои взгляды и, наверное, даже бороться с опасными обвинениями в «низкопоклонстве».

Впрочем, Дмитрий Игнатьевич умел с редким спокойствием и чувством меры управлять административными и политическими конфликтами. При этом он не считал зазорным советоваться с сотрудниками без различия возрастов и званий и вовлекать их в престижные дела. Это, может быть, в нынешнем бизнесе обычное дело, а советское общество было одним огромным госаппаратом, где царил строгая иерархия и геронтократия. Приведу пример. Я в ту пору был в аспирантуре, и было мне лет 25. Вызывает меня Д.И. – как всегда срочно, т.е. телефонным звонком в пятницу вечером. Оказывается, ему домой звонил инструктор международного отдела

ЦК КПСС – по уровню что-то вроде руководителя подразделения Администрации Президента, только с большей властью. Ему понадобилось узнать, сколько народу живет в социалистических странах. Вообще-то эта информация была в справочниках Политиздата, с которыми в ЦК должны были быть знакомы, но ведь барину не возразишь, да и обращение власти к науке почетно. Итак, я получил задание, полез в те же справочники выяснять, какие страны числятся государствами социалистической ориентации (главное – считается ли таковой многонаселенная Индия), сложил числа в два столбика (с Индией и без нее и некоторых других стран «третьего мира») и отапортовал Д.И. Справку отправили в ЦК, а через пару дней Д.И. отправляет меня туда же. В святая святых барин обругал меня в крепких партийных выражениях за молодость и за то, что моя цифра на 700 миллионов человек расходилась с данными Института международного рабочего движения (ИМРД) и, посулив расправу то ли мне, то ли Центру, и не дав мне слова вымолвить, выгнал. Вместо того чтобы свалить на меня ответственность за высочайший гнев, Д.И. позвонил этому типу и спокойно и вежливо (чего я точно не смог бы) объяснил, что в нашей справке есть обе цифры, в точном соответствии с духом и буквой партийных документов, а вопрос о возрасте исполнителя тактично обошел. Тип вчитался в пять строк справки и, видимо, переключил свой гнев на ИМРД.

Другой случай был посерьезнее. В Демографическом Энциклопедический Словаре (1985 г.) под редакцией Дмитрия Игнатевича, в статье о Болгарии было сказано «... кроме них (болгар) проживают армяне, греки, румыны, русские, татары, турки, цыгане». Я думаю, не все сейчас поймут, где тут крамола. А крамола была в том, что в то время в Болгарии развернулась кампания по ассимиляции турок – главным образом путем насильственной замены их имен и фамилий на болгарские, причем правительство стало просто замалчивать наличие в стране этого полуторамиллионного национального меньшинства. Первому секретарю ЦК КПБ Живкову донесли о публикации, и он лично пожаловался секретарю ЦК КПСС Суслову на «недружественную» публикацию. Сулов устроил грандиозный разнос. Нетрудно себе представить, чего стоила Валентею эта чреватая «оргвыводами» «потеря политической бдительности», но он в таких случаях отстаивал себя и коллег сам, оставаясь с сотрудниками ровным и

доброжелательным.

Дмитрий Игнатьевич высоко поднял планку человеческих отношений в трудовом коллективе Центра и работавших на его базе курсах ООН. На протяжении почти десяти лет мне довелось жить и работать в этой атмосфере, которая стала казаться единственно возможной. К тому же мне еще повезло быть нередким гостем в доме Дмитрия Игнатьевича. С его сыном Сергеем, моим другом и сокурсником, мы часто заваливались, как правило, без предупреждения, к нему домой. Атмосфера интеллигентности и гостеприимства, созданная Марьей Алексеевной и Дмитрием Игнатьевичем, скрадывала наши эскапады. Сейчас понятно, что можно было много больше пользы извлечь из общений с Д.И. в домашней обстановке. Я часто с грустью вспоминаю созданную Дмитрием Игнатьевичем обстановку, в которой руководители и подчиненные всегда оставались коллегами. Это наследие, пожалуй, наиболее хрупко, но оно очень ценно своим демократичным и творческим духом.

Бахметова Г.Ш.

НА КАФЕДРЕ БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ И ДРУЖНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Мое приобщение к науке о народонаселении началось с того, что мы встретились с Дмитрием Игнатьевичем Валентеем зимой 1965 года в Москве во время одной из научных конференций. Конференция посвящалась самой актуальной проблеме того времени, а именно взаимоотношениям демографии и демографической статистики. В январе 1966 года я уже была младшим научным сотрудником в Проблемной лаборатории народонаселения на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, которую возглавлял профессор Валентей.

В ту эпоху экономический факультет МГУ находился в старом здании Университета на Моховой (тогдашний проспект Маркса). На втором этаже этого корпуса наша Лаборатория проблем народонаселения занимала две соседних аудитории. В одной из них, самой большой по размеру проходили все наши

заседания, стояли столы для научных сотрудников, а за тонкой перегородкой у большого окна, располагался «кабинет» нашего заведующего, Дмитрия Игнатьевича, который он делил со своей неизменной помощницей и секретарем Людмилой Николаевной Казаковой. Я сидела напротив Эльгизара Юсуповича Бурнашева, который, одновременно с научной работой занимался важным общественным делом – учил нас гражданской обороне.

Хорошо помню одно из первых (для меня) научных заседаний, посвященное, как впрочем, и многие другие, определению целей, задач и предмета демографии как науки.

У Дмитрия Игнатьевича уже созревала идея о комплексной науке демографии и, соответственно, о создании такого научного центра, который объединял бы специалистов различных областей знания. У меня же, выпускницы Московского Экономико-Статистического института, где я заканчивала также и аспирантуру, естественно, на этот счет была своя, обоснованная моим статистическим образованием точка зрения. Поэтому, когда мне было поручено подготовить сообщение на тему о том, как я представляю себе предмет демографии, то я, безусловно, поддержав идею о существовании самостоятельной науки демографии, которая нам всем очень импонировала, выступила против идеи ее комплексности. Мне казалось тогда, что привлечение специалистов различного профиля в демографию приведет к «размыванию» ее предмета. Именно поэтому на этом «злосчастном» для меня заседании я выразилась в том смысле, что есть демографы «чистые» и «нечистые». При этом под «чистыми» демографами я представляла себе только тех, кто занимался, в первую очередь демографической статистикой, а под «нечистыми» всех прочих. Дмитрий Игнатьевич долго не забывал мне этого высказывания, и мы постоянно дискутировали на эту тему.

Сейчас мне стыдно вспоминать о моем демарше. В демографию пришли «нечистые демографы», благодаря которым эта наука и стала наукой. Географы, как, например, д.г.н. Борис Сергеевич Хорев, историки (д.и.н. Дмитрий Кузьмич Шелестов), врачи (д.м.н. Михаил Семенович Бедный) работали на этом поприще совместно со статистиками. И это сотрудничество дало замечательные результаты.

В старом здании Университета начала работу наша кафедра народонаселения, которая была создана в 1968 г. Я была

первым преподавателем на этой кафедре, кого пригласил Дмитрием Игнатьевичем, чтобы не только вести занятия (лекции, семинары), но и заниматься программным хозяйством, учебниками и учебными пособиями. Позже на кафедру пришла Галина Евгеньевна Ананьева, а еще позже Александр Яковлевич Кваша. В 1971 году на кафедру был приглашен Анатолий Павлович Судоплатов.

У нас был маленький, очень дружный и веселый коллектив. Одной из постоянных и любимых шуток Анатолия Павловича Судоплатова было, взяв меня под руки войти в кабинет ничего не подозревавшего Дмитрия Игнатьевича и объявить о нашей любви и скорой свадьбе. Вначале Дмитрий Игнатьевич пугался, но потом постепенно привык к этому сообщению и только покровительственно улыбался нам.

Все, наиболее важные события в жизни кафедры и в нашей личной жизни мы отмечали совместно. Помню, как весело «обмывали» корочки моего диплома о получении звания доцента в ресторане «Будапешт». В то время мы вполне могли себе позволить такое «роскошество» как посещение ресторана. Работая в старом здании Университета, мы довольно часто все вместе ходили обедать в один из ресторанов гостиницы «Москва» на Манежной площади. Обеды там были очень вкусные и недорогие, хотя подавали их на белых скатертях и обслуживали нас официанты. К огромному сожалению, в 2004 году здание гостиницы «Москва» (Сталинский стиль) вместе со всеми ее ресторанами и барами было снесено.

Мы преподавали демографию как науку комплексную, включающую самые различные аспекты изучения народонаселения. В чтении спецкурсов, особенно в руководстве курсовыми, дипломными и диссертационными работами существенно «дополняли» наши ряды научные сотрудники лаборатории, которые и руководили, и рецензировали эти работы, и должны были выступать при обсуждении и защите курсовых и дипломных. Таким образом, комплексность проявлялась не только в научном плане, но и в использовании кадров ЦН. И здесь мы были первыми.

Единственное в ту пору учебное заведение, в котором преподавали не демографию, а демографическую статистику (статистику населения) был Московский Экономико-

Статистический институт, где кафедрой статистики населения заведовал профессор Аарон Яковлевич Боярский (позже он был приглашен на экономический факультет МГУ). После ухода Аарона Яковлевича кафедрой заведовал профессор Бронер Давид Львович. Изучали демографическую статистику тогда по учебнику А.Я. Боярского и В.В. Шушерина «Демографическая статистика» (М., 1955). Практические занятия еще в мою бытность студенткой вела доцент Александра Сергеевна Семенова по своему учебному пособию «Сборник задач по демографической статистике» (М., 1972). Были еще более ранние учебники по демографической статистике А.Я. Боярского. Вот, собственно говоря, все, чем мы располагали, когда начинали в 1968 году преподавать совершенно новый курс демографии на экономическом факультете МГУ.

С рождением специализации по демографии наша задача еще более усложнилась. Надо было думать о системе спецкурсов, содержание которых в полной мере отвечало бы поставленной задаче – дать представление о демографии как комплексной науке. Среди них центральным всегда оставался спецкурс «Система знаний о народонаселении», который читал студентам сам профессор Валентей.

Общий курс демографии мы читали студентам экономического факультета, специализирующимся по другим кафедрам, а также для студентов на других факультетах МГУ. Я всегда вела занятия на юридическом факультете. Мне нравилось общение с этими студентами, которые особенно интересовались вопросами законодательства в области регулирования демографических процессов. Мне приходилось готовиться к лекциям, используя специальную юридическую литературу из библиотеки этого факультета.

Дмитрий Игнатьевич заботился о том, чтобы познакомить нас и наших студентов с тем, как преподавалась демография в других странах. К нам еще в 1967 г. в Лабораторию приехал чешский демограф Владимир Рoubичек, с которым я долгие годы поддерживала теплые дружеские отношения. На кафедру приезжал венгерский демограф Эмиль Валкович, автор известных работ по экономической демографии, приезжал неоднократно из Праги Зденек Павлик, который в 1983 г. защитил в МГУ свою докторскую диссертацию. Благодаря широким контактам Дмитрия Игнатьевича мы получили возможность ознакомиться с

программами и учебными пособиями по демографии, которая читалась в Университетах Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Югославии, ГДР. Но, в свою очередь, зарубежные коллеги знакомились с концепцией демографии как комплексной науки, и так шел обмен научными идеями, который был полезен для всех.

Постепенно зарубежные контакты профессора Валентея становились все более обширными и продуктивными. Помню, как после одной из своих поездок в США, где он посетил демографический Фонд Форда, он привез ящичек со средствами контрацепции. Мы в те годы знали о них только понаслышке. Поэтому в кабинете Дмитрия Игнатьевича мы с «замиранием сердца» рассматривали и ощупывали все эти упаковки и препараты. Мне, например, очень понравилась пудреница, в которой находились также контрацептивные таблетки, ранжированные по цвету с тем, чтобы любая малограмотная женщина могла определить в какие дни их надо принимать. Надо признаться, что после ознакомления с содержимым ящичка, мои лекции по демографической политике стали более интересными. К сожалению, постепенно все препараты исчезли (неизвестно куда и почему) и о них у нас остались только воспоминания.

Большой опыт приобрели преподаватели и сотрудники Центра благодаря участию в чтении спецкурсов и проведении семинаров на Международных курсах ООН, которые начали работать на базе нашего центра с 1977 г. Конечно, они были созданы в первую очередь по инициативе Валентея, имевшего уже тогда большой международный авторитет. Научным руководителем стал сам Д.И. Валентей, а директором - Судоплатов А.П. Эти англоязычные просуществовали до 1991 г., учились на них специалисты из развивающихся стран, в основном из Азии, Африки, Латинской Америки. Я прочитала для слушателей курсов несколько лекций по методам демографического анализа, а также консультировала по проблемам демографического прогнозирования. Для меня лично это была школа преподавательского мастерства высокого класса.

Позже, в 1984 г. на базе нашей кафедры открылись курсы повышения квалификации по демографии для сотрудников региональных администраций всей страны (научным руководителем курсов был, конечно, Дмитрий Игнатьевич). Каждый год к нам на стажировку приезжали сотрудники плановых

органов, органов социальной защиты населения, местной администрации, статистики, были и научные сотрудники. Но в большинстве случаев это были сотрудники административных органов, привыкшие руководить и командовать. В университете им пришлось сесть «за парту» и стать «студентами». Для них это было нелегко, да и нам, преподавателям надо было менять манеру общения с аудиторией. В работе со слушателями участвовали многие научные сотрудники, которые, как правило, руководили выпускными научными работами, а слушатели защищали эти работы как дипломные.

Мы проводили со слушателями занятия по общему курсу «Демография», а также по спецкурсам «Введение в систему знаний о народонаселении», «Прогнозирование населения», «Источники данных о населении», «Теории народонаселения». Сейчас, когда прошло уже достаточно много времени с тех пор, мне кажется, что программа их обучения не была наилучшей. Скорее всего, нужно было уделить больше внимание не теориям, а практике, научить их работе с цифрами в условиях неполной информации, анализировать данные о населении, сопоставлять их с показателями экономического развития составлять социальные программы, уметь связывать демографические проблемы с системой пенсионного обеспечения, мерами социальной помощи населению.

Наверное, мы сами в ту пору не были полностью способны к тому, чтобы читать подобные курсы, а те, кто приехал к нам на стажировку, не имели понятия о том, что им в действительности нужно изучать. Поэтому существовала в некотором смысле напряженность в наших взаимоотношениях, что мешало нам лучше понять друг друга. Не знаю, что делали в этом отношении мои коллеги, но я лично прилагала много усилий к тому, чтобы разрядить обстановку, показать этим людям возможность взаимного обучения и, конечно, чисто человеческого общения.

Одним из заметных направлений деятельности кафедры были ежегодные летние поездки наших студентов на зарубежную практику в бывшие соцстраны - в Польшу, Чехословакию, Болгарию, Венгрию Их всегда сопровождали сотрудники и преподаватели нашей кафедры и факультета, бывшие в то время членами КПСС (поездки такого рода за границу считались в то

время прерогативой только членов К Коммунистической партии). Я поехала с нашими студентами в Венгрию в 1991 году, когда это правило еще действовало, но соблюдалось же не так строго. Во всяком случае, мне как преподавателю, читающему все основные курсы по специализации, разрешили быть вторым руководителем данной практики (первым руководителем была назначена сотрудница факультета Титова Нина Ивановна).

Практика прошла очень интересно. Мы побывали в институте демографии в Будапеште, где встретились с ведущими демографами. С нами беседовал известный специалист по экономической демографии Эмиль Валкович. Была встреча с профессорами и студентами Университета, много интересных и познавательных экскурсий. Надо сказать, что такие совместные поездки очень сближают людей. Я очень подружилась с Ниной Титовой, а также со студентами этой группы, и наши теплые отношения сохраняются до сих пор.

В 80-е годы, когда в преподавании уже все в основном было налажено, на экономическом факультете произошли события, которые могли стоить нам закрытия специализации студентов по демографии и, соответственно, расформирования кафедры. Примерно, в 1985 г. на факультете в очередной раз проводилась работа по уточнению учебного плана по специальности «Политическая экономия» и, соответственно, всех учебных планов по специализациям и кафедрам, в том числе и по демографии.

В 1980-1987 гг. деканом экономического факультета МГУ был профессор Виктор Никитич Черковец. Именно он и возглавлял эту работу. Помню горячие дебаты, проводимые по поводу содержания и количества часов по каждому курсу и спецкурсам. В дебатах я участвовала в качестве заместителя заведующего нашей кафедрой. Я приходила на эти заседания с огромными «простынями»- распределением часов на лекции и семинары каждого курса и спецкурса, которые читались нашей кафедрой, как для всех студентов факультета, так и в рамках специализации по демографии. После заседаний мы с Дмитрием Игнатьевичем подолгу обдумывали содержание каждого замечания, высказанного в наш адрес, исправляли то, с чем, безусловно, соглашались, и постепенно наш учебный план становился все более и более логичным. Эта кропотливая работа

велась в течение нескольких месяцев и стоила больших трудов. Мы должны были в конечном итоге придти к наилучшему варианту.

Вместе с тем, обстановка на факультете «накалялась»: как-то незаметно и довольно неожиданно обсуждения вариантов учебного плана на факультете начали сводиться к определениям актуальности специализаций по кафедрам и, соответственно, актуальности того или иного научного направления.

Как это однажды уже было в истории, первой «жертвой» стала демография. Декан факультета, профессор Черковец начал высказываться в том смысле, что данная специализация на экономическом факультете не нужна. И тут все началось. Мы сразу поняли, что без специализации, судьба нашей кафедры будет весьма печальной: того количества учебных часов, которые мы имели на экономическом и на других факультетах, читая лишь общий курс демографии, нам бы явно не хватало для нагрузки. Не говоря уже о том, что мы лишились бы возможности готовить специалистов в области проблем народонаселения, а не по статистике населения, как это продолжал делать Московский Экономико-Статистический институт.

В короткой статье трудно описать все наши усилия и переживания по этому поводу. Дмитрий Игнатьевич вынужден был обратиться за поддержкой в Министерство высшего и среднего специального образования СССР и даже в более высокие инстанции. Это сыграло особенно важную роль в нашей дальнейшей судьбе. Кафедры была спасена. Но жестокая борьба за существование всех нас выбила меня из сил. Я чувствовала себя особенно уставшей и не способной на дальнейшую борьбу. Помню, что в какой-то момент, во время очередного совещания с Дмитрием Игнатьевичем я, уставшая и совершенно разочарованная, высказалась ему, что, по-видимому, надо будет вскоре «прощаться» с Университетом. И он, не менее уставший, но гораздо более сильный духом человек ответил мне фразой, которую я постоянно вспоминаю до сих пор: – «из Университета не уходят»,- сказал Дмитрий Игнатьевич Валентей, - «из Университета выносятся». И в моей памяти Дмитрий Игнатьевич всегда остается не только ученым, педагогом, шефом (как мы все его называли), но и человеком сильным духом, человеком-борцом.

Ткаченко А.А.

НАУЧНОЕ И ОРГАНИЗАТОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Приобщение к народонаселенческой проблематике началось с того, что я, не выпускник отделения демографии, попал в аспирантуру к Дмитрию Игнатьевичу Валентею по рекомендации своего научного руководителя профессора В.С. Немченко. Он покидал в то время свою лабораторию на экономическом факультете (об этом в Российском демографическом журнале, 2003, № 1(7)). Работа на научном поприще, знакомство с самим Валентеем и его трудами для меня, думаю, и для других имело важное значение: оно учило студентов и аспирантов - учиться, сотрудников - становиться квалифицированными преподавателями и исследователями.

О публикациях аспирантов. Дмитрий Игнатьевич любил подчеркивать, что если тот или иной аспирант не имеет публикаций, то это не только ставит препоны для защиты, но и свидетельствует о слабых наработках диссертации после первого, а тем более второго года учебы. Он не просто был прав, а по существу предлагал своеобразный тест на эффективность учебы в аспирантуре. При этом стоит подчеркнуть, что технических трудностей в печатании своих работ благодаря Валентею мы не имели. Д.И. (я буду иногда называть профессора Валентея так, как называли его все сотрудники кафедры и лаборатории, когда его не было рядом) обеспечил кафедру и Центр народонаселения экономического факультета МГУ, а значит всех членов его коллектива открытыми и широкими возможностями публикаций. Это - и тематическая серия «Народонаселение» (выходила под эгидой Министерства высшего и среднего образования СССР, Научно-технического совета и Секции народонаселения), и специальные сборники студенческих и аспирантских работ, и коллективные труды Центра.

Абсолютно прав был Дмитрий Игнатьевич, подчеркивая зависимость готовности кандидатской диссертации и аспиранта к защите от количества его публикаций, набравшихся по теме исследования к моменту защиты. Теперь на своей кафедре (теории и практики государственного регулирования рыночной экономики

РАГС при Президенте РФ), я привожу в пример его подход к публикациям аспирантов. Однако и до перехода на эту кафедру, когда я работал еще чиновником в Министерстве труда и социального развития, у меня тоже были годы интересного сотрудничества с Дмитрием Игнатьевичем и его Центром, и в связи с этим остались различные запомнившиеся наблюдения. Я уверен в том, что такой подход Д.И. позволяет почти полностью и заблаговременно исключить сбои в своевременной защите диссертаций. В период 2000-х годов это стало намного важнее для самого аспиранта, так как защита за пределами сроков аспирантуры теперь делает все технические процедуры защиты платными и дорогими. В прошлом мы, если не успевали напечатать в типографии автореферат заранее, не спеша, то должны были издавать его молниеносно и за свои деньги. Тогда аспиранты оплачивали только эту процедуру.

Об издании трудов. Первую в жизни серьезную школу редакторской работы я прошел благодаря одному из таких изданий – сборнику работ «Народонаселение СССР и некоторых зарубежных стран (проблемы, методология и методы изучения)» (1975). Она оказалась тем более сложной (и пробной для всех членов редколлегии) из-за отъезда ответственного редактора сборника А.С. Первушина в длительную заграничную командировку.

Для публикации в коллективе Валентея главное было – это написать что-то стоящее и пройти сито редакционных коллегий. Не исключались, к сожалению, и срывы. Например, до сих пор жалею (по многим причинам) об отмене в названной серии «Народонаселение» специального выпуска по исторической демографии, куда написать статью меня пригласил Д.К. Шелестов. Такой сборник все-таки вышел несколько лет спустя в 1980 г. («Прошлое и настоящее демографии» № 32), но я туда уже «не попал». К сожалению, в те сложные времена Д. Валентей не всегда мог выигрывать бои с издательствами, которые под разными предлогами, но, как правило, по идеологическим или цензурным соображениям, отказывались издавать отдельные книги. Однако и при этих условиях он часто всё же оставался победителем и добивался необходимого издания. После того как его не стало, возможности публикаций для Центра заметно сузились, хотя современную свободу изданий (исключая проблемы

финансирования) даже нельзя сравнивать с реальными ограничениями того периода.

Несколько слов надо сказать о моей публикации, связанной с Валентеем, в «Независимой газете» о 80-летнем юбилее Дмитрия Игнатьевича. Обычно я не ставлю заголовков статей для СМИ, потому что это бесполезно – редакция всегда назовет статью по-своему, исходя из собственных соображений, и иногда за это приходится расплачиваться. (Например, так было с одной моей публикацией в газете «Финансовые известия», где название статьи и мои выходные данные как члена коллегии министерства труда и социального развития редакция давала сама. Именно за это название мне пыталась устроить разнос, к сожалению, выпускница нашей кафедры, пришедшая из науки в государственное управление. Даже моему министру позвонила из санатория).

Заголовок статьи по случаю юбилея Дмитрия Игнатьевича в приложении «Наука - НГ» к «Независимой газете» дан, как и всегда самой редакцией – и это, мне кажется более чем симптоматичным. Статья названа «Время Валентея: человек, который сделал демографию наукой». Это мнение не просто журналистов, а профессионалов, занимающихся историей науки и много лет готовящих публикации о развитии различных областей научного знания. Сам я не решился бы на такой заголовок, но надо отдать должное специалистам «Независимой» – они увидели и оценили развитие нашей отечественной демографии со стороны, не изнутри нашего демографического сообщества, т.е. не как представители той или иной научной школы или направления. Представители разных школ и исследовательских центров в демографии, как и во всех других областях науки, слишком часто, по моему мнению, не «дружат» между собой и не всегда могут быть объективными. Эту тему мне и хотелось бы продолжить.

О сотрудничестве с «инакомыслящими» демографами. В связи с прошедшим юбилеем Д.И. Валентея мне уже приходилось писать о том, что ВРЕМЯ ВАЛЕНТЕЯ – это период свободных научных дискуссий о проблемах развития мирового народонаселения и населения СССР и время общения коллектива Центра, включая студентов и аспирантов, с видными представителями западной демографической науки, что в то время было большой редкостью («Власть», 2003, № 2 («Демографическое образование и наука»); Российский демографический журнал, 2003,

№ 1(7) («Научный руководитель»)).

В нашей стране и главным образом в Москве (так как центров демографических исследований было очень мало) конкуренция в то время не носила «здорового» характера. Дело не только в амбициозности отдельных ученых, но и в самом климате тогдашнего существования науки. Однако и в этих условиях Дмитрию Игнатьевичу удавалось в Центре народонаселения МГУ проводить дискуссии с участием многих представителей других школ и направлений. Например, после выхода статьи А.Г. Вишневского в «Вопросах философии» (№6 за 1978 г., ст. «Социальное управление рождаемостью») Анатолий Григорьевич был приглашен сделать доклад в Центре, и обсуждение прошло очень интересно. Особенно часто пересекались пути «валентеевцев» и Киевской школы. Хотя парадигмы этих ученых весьма отличались между собой, я уверен, что именно благодаря Д.И. Валентею это сотрудничество помогало развитию исследований, как Центра МГУ, так и развитию украинской демографической школы.

Экология и идеология. Дмитрий Игнатьевич был участником в составе советской делегации одного из первых (или вообще первого) всемирного форума, посвященного экологическим проблемам – Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (Швеция, 1972). После конференции он выступил с докладом-отчетом на заседании кафедры, подробно рассказал о своих впечатлениях. Привез огромную кипу материалов, которые, как и всегда было принято, были отданы в библиотеку Центра, и мы могли с ними ознакомиться. Обсуждение было информативным и полезным для всех, но особенно для нас аспирантов. Однако кое-что в позиции Д.И. у меня вызвало разочарование.

Он, к сожалению, поддался общему настрою советской делегации и высказался весьма пессимистично по поводу целесообразности западных исследований-предупреждений о критических ситуациях в мире. Исследования-прогнозы, подобные докладом Римского клуба, обсуждали будущее человечества через призму разнообразных техногенных угроз. Несмотря на то, что сама кафедра под его научным руководством тогда начала заниматься исследованиями взаимосвязей населения и окружающей среды, тональность по экологическим проблемам в те времена была идеологически «осторожной», и наши не меньшие,

чем в индустриально развитых странах экологические беды, или совсем не признавались, или признавались с большим трудом. Экология человека тогда только начинала складываться как наука, а понятие «социальной экологии» ещё не существовало, во всяком случае, в нашей советской терминологии. Поэтому официальный подход в нашей стране ко всему, что с этим связано, например, к движению «зеленых», которое еще даже не оформилось в партию ни в одной европейской стране, был, мягко говоря, критическим.

Могу также сослаться на историю моей статьи для сборника «Население и окружающая среда» (1975) из знаменитой Валентеевской серии «Народонаселение», которая вынужденно, «по умолчанию» заменяла демографический журнал. Моя статья («Роль синтеза научного знания в изучении взаимоотношения населения и окружающей среды»), написанная в аспирантуре, была в принципе одобрена Дмитрием Игнатьевичем как моим научным руководителем. Написанная явно под воздействием его «философичности и теоретичности», она была отклонена редколлекцией в целом по причине, как я могу предположить, ее «неидеологичности». Мое огорчение было очень велико. Отклонение статьи было прямым следствием, мягко говоря, позиции редколлекции и редактора-составителя этого выпуска Татевосова Р.В., действовавших «с оглядкой». Редактор, пожилой, как мне тогда показалось, умудренный жизнью, сказал мне, что хотя статья не пойдет в номер, я не должен огорчаться, так как, по его мнению, она интересна и где-нибудь все же будет опубликована. Потом через некоторое время он меня пригласил к себе, и попросил сделать в моей статье некоторые исправления, чтобы ее включить в этот же сборник (он решил издать ее вместо какой-то ранее включенной статьи, которую на последнем этапе изъяли, и тем самым значительно сократили объем сборника). Я дополнил свою статью, и она вышла с цитатами не только из «Биогеохимических очерков» В.И. Вернадского, но и Карла Каутского и даже оказалась заглавной в сборнике.

О подготовке «Системы знаний». Огорчило меня в свое время также решение кафедры и Дмитрия Игнатьевича не приглашать меня к участию в знаменитой «Системе знаний о народонаселении» (вероятно, мои «знания» тогда еще не доросли). Но сам процесс её подготовки проходил уникально. Собиралась вся кафедра. Приглашали всех аспирантов, и в таком составе

обсуждали сначала концепцию издания, потом отдельные разделы и главы. Польза для нас была несомненная: обсуждения были очень интересны, и каждый из присутствовавших (и авторы, и мы – аспиранты), уносил с собой новое видение проблемы. До сих пор помню, например, выступления в дискуссиях Наталии Кононенко (Зверевой). Она, критикуя многие главы, не считаясь с регалиями авторов, без сомнения, способствовала совершенствованию издания. Всем обсуждением руководил Дмитрий Игнатьевич. И пусть меня простят остальные члены кафедры, без Д.И. таких дискуссий в принципе не могло бы быть. Результат известен всем без исключения демографам, как бы они не относились к излишнему, как тогда говорили, теоретизированию в этой книге.

Работа над энциклопедическим словарем по демографии. Нельзя не сказать несколько слов о Дмитрии Игнатьевиче как энциклопедисте и его роли в появлении уникального по общему признанию издания. Не помню, кто был инициатором моего приглашения на первое заседание редакционного Совета нового издания – Демографического энциклопедического словаря. Проходило оно в помещении «Большой Советской энциклопедии» (нынешнем БРЭ) Участников было не мало, и споры велись ожесточенные. Позиция некоторых поражала своей «мастодонтностью», примирить «идейных» противников не удавалось никому, и к какому-либо окончательному решению тогда не пришли. Конечно, были не только идеологические и научные, идейные разногласия, но и, скажем так, околонуточные (о них, по моему мнению, должны написать сами участники всей издательской «кухни»). Дискуссия протекала как очень сложный и деликатный процесс.

Пишу об этом так, как запомнилось. Сейчас понимаю, что надо было бы записывать для себя ход таких исторических заседаний. Но тогда это казалось текущей жизнью, а не историческим событием, и диктофонов еще ни у кого не было. Тем более удивительно, что затем, кажется, в течение года, Дмитрию Игнатьевичу удалось сдвинуть дело с мертвой точки, и работа над изданием закипела.

Главным соратником Дмитрия Игнатьевича в этом издании был Дмитрий Кузьмич Шелестов. Нельзя не сказать и о дальновидности Д.И., «делегировавшего» в экономическую редакцию издательства выпускницу нашей кафедры Н.Н.

Шаповалову. Именно Д.И. почувствовал в Шаповаловой прирожденную «энциклопедистку», которая сумела в течение многих лет продолжать энциклопедические издания, начатые Валентеем - вначале Демографический энциклопедический словарь (1985), затем Энциклопедический словарь «Народонаселение» (1994) . До сих пор эти издания являются, чуть ли не единственными, где есть раздел «всё об авторах», намного более подробный, чем в любом научном журнале. Всё это результаты огромной работы созданной Д.И. Валентеем Группы Демографического энциклопедического словаря под руководством Д.К. Шелестова в составе Э.Ю. Бурнашева, Н.В. Власовой и Т.К. Смолиной.

Этот небольшой коллектив не только разделил тяжесть энциклопедической ноши между редакцией-издательством и сотрудниками Центра народонаселения, но и сумел сделать этот процесс творческим, дружественным, взаимосозидательным. Это по большому счету. Давление на редколлегию, на авторов и самого главного редактора было жуткое. Приведу два примера – один, частный, личный, а второй – поразил всех уже после выхода издания. Я вызвался написать статью о Дж. Кейнсе, являясь «поклонником» его учения. Конечно, я не имел тогда опыта написания такого рода статей, поэтому столкнулся при ее написании с трудностями, и можно было ожидать критики моей статьи по существу. Но «критический» удар оказался почти неожиданным (хотя и ожидаемым). В издательстве решили, что так писать о буржуазном экономисте нельзя. Особенно неприемлемой оказалась «социальная» составляющая экономической теории Кейнса. Как мне передали, один из руководителей издательства сказал: «И что же получается, что у «них» (капиталистов – А.Т.) лучше, чем у «нас»?» Всё соответственно было урезано (точнее, вырезано), но статья все же осталась, благодаря объективной и принципиальной позиции Н.Н. Шаповаловой.

Вторая история связана с несомненной научной объективностью главного редактора. Думаю, что никто не сможет оспорить это качество Валентея, который, несмотря на оказываемое на него давление, не шел на многие компромиссы, связанные с идеологической доминантой. В статье «Болгария» для Демографического словаря 1985 г. дана нормальная картина национального и конфессионального состава населения этой

страны, где кроме болгар живут и другие народы. Но у политбюро Болгарской компартии оказалось иное мнение и о национальном составе, и, к сожалению, о внутренней государственной политике по отношению к туркам тоже. Свое «мнение» болгарские руководители изложили в письме-жалобе в советские партийные инстанции на Демографический словарь. Последствия этих возражений таковы, что и энциклопедия вышла, оставшись в истории, и никто не пострадал (благодаря Валентею). Жаль, что Дмитрий Игнатьевич и Дмитрий Кузьмич не дожили до того дня, когда соблюдение прав и изменение отношения к национальным меньшинствам Болгарии стало основным правовым условием вступления этой страны в Европейский Союз.

Выход второго издания - Энциклопедического словаря «Народонаселение» (1994 г.) - исторического преемника и продолжателя словаря 1985 года осуществлено к Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994). Он является заслугой в первую очередь двух верных соратников Дмитрия Игнатьевича: Дмитрия Кузьмича Шелестова и Александра Яковлевича Кваши. Благодаря их авторитету не только в демографических кругах, но и у государственных чиновников высшего ранга, работа была во время завершена редакцией издательства, которой руководила Н.Н. Шаповалова, и вышла как раз к конференции. Российская делегация в Каире, в которую входили такие крупнейшие российские демографы, как А.Г. Вишневский и А.Г. Волков, с вполне понятным чувством преподнесла экземпляры издания главам многих национальных делегаций и всех международных организаций, участвовавших во встрече.

Отношение к моей диссертации. К написанию мною диссертации Дмитрий Игнатьевич относился не просто внимательно (так он относился ко всем своим аспирантам и аспирантам других преподавателей кафедры, соискателям), но с удвоенной настороженностью, вызывавшей у меня поначалу не слишком приятные чувства. Такое отношение было связано с его первоначальным восприятием меня как «недемографа» – этот ярлык мне было суждено носить много лет. Это деление на демографов и «не-» было характерным подходом Д.И. ко всем аспирантам, что вполне понятно, исходя из высокого качества созданного им детища – Отделения демографии экономического

факультета МГУ. Он особо обращал внимание Александра Яковлевича Кваши, как председателя экзаменационной комиссии по кандидатскому минимуму (по специальности) на проверку моих «демографических» знаний, которые я накопил за первый год учебы в аспирантуре. Потом были беседы Д.И. (не только со мной, но и обо мне с некоторыми ведущими сотрудниками Центра) о его опасениях по поводу отсутствия у меня публикаций. Мне он говорил: «Прошло полтора года, а вы не подготовили ни одной статьи по демографическим проблемам».

Наконец, пришло время обсуждения диссертации на кафедре, прошедшее по настоянию руководителя с дополнительным рецензентом, который по его же решению был приглашен со стороны – из Центральной научно-исследовательской лаборатории трудовых ресурсов. Ученый секретарь этого довольно большого научно-исследовательского подразделения Лидия Сухова похвалила меня (её похвалу помню до сих пор), но ее похвала была связана, конечно, с заслугами профессора Валентя, который поощрял у всех своих учеников склонность к теоретическому мышлению. Сухова отметила именно хороший философский уровень диссертации, но философию я полюбил будучи уже учеником научного руководителя Центра.

Сам Дмитрий Игнатьевич для большей объективности на обсуждении не присутствовал. И тем большей неожиданностью было для меня его приглашение на беседу, во время которой Д.И. Валентей высказался о целесообразности опубликования моей диссертации в виде монографии в издательстве «Статистика», единственном, имевшем в то время специальную редакцию по демографической литературе.

В редакции к Дмитрию Игнатьевичу относились с большим пиететом, но коллектив был разный: одни более осторожные и идеологически консервативные, другие – более «научно» объективные. Навсегда останусь благодарен Галине Ивановне Чертовой, вступившей за меня. Все редакторы сидели в одной комнате на последнем этаже знаменитого здания ЦСУ СССР на теперешней Мясницкой улице (от своего архитектурного творения «открестился» Ле Корбюзье), точнее, надстройке, куда и лифт не доходил. Галина Ивановна, как оказалось, прислушивалась к нашим спорам с моим редактором – молодой дамой, перед которой я пытался отстаивать таблицы, целые абзацы и всё другое,

ею снимаемое по причине возможной идеологической невыдержанности. Чертова обратилась напрямую: «Татьяна (Т.А. Кобзева), перестань резать работу, оставь что-нибудь для ЛИТа, они тоже «захотят поработать».

Трудное «дитя» Дмитрия Игнатьевича (моя книга «Экономические последствия современных демографических процессов в СССР». -М.: «Статистика»,-1978) вышло в свет и получило своеобразный отклик, что это не демографическая работа и чувствуется, что автор экономист по образованию. По-видимому, демографом я так и не стал, так как Центр народонаселения и во времена Дмитрия Игнатьевича и после него не приглашал меня к «писательскому» сотрудничеству (исключение было сделано Дмитрием Кузьмичем Шелестовым, о чем я написал выше, но не воплотилось в реальность).

С Г.И. Чертовой, которую Дмитрий Игнатьевич очень ценил, мне довелось поработать ещё раз над моей статьей, когда был реанимирован сборник «Демографическая политика социалистического общества». - М.: «Наука», 1986. У научного редактора В.С. Стешенко был ряд вопросов по моей статье. Электронной почты тогда в нашей стране не было, и после переписки с Киевом разрешать все вопросы я был направлен в московское издательство «Наука», где уже в то время работала Галина Ивановна. В выходных данных издания её фамилия почему-то не присутствует, может быть, как заведующая редакцией издательства она проявляла излишнюю, на мой взгляд, скромность.

Данные заметки можно считать первым за четверть века осуществившимся без осложнений приглашением меня участвовать в коллективном издании Центра народонаселения МГУ, и я очень благодарен за это Р.С. Ротовой.

Несколько слов о библиотеке. Мне кажется, что демографическую библиотеку Центра народонаселения надо считать, несмотря на заслуги всего коллектива и отдельных его представителей, детищем Д. Валентея. Его внимательное отношение к библиографической работе и к книгам по народонаселению помогло начать создавать уникальный фонд еще при его жизни. Достаточно сказать, что в начале 1970-х годов, когда выходили книги о мальтузианстве, подобные произведениям Я.И. Рубина, в библиотеке было не урезанное двухтомное издание основной работы Т. Мальтуса, и доступ к ней - свободным. Авторы

будущих работ о Мальтусе (Народонаселение. Энциклопедический словарь, 1994) воспитывались именно на этих книгах.

Все воспитанники библиотеки считали, надеюсь, это остается и до сих пор, своим долгом пополнять её своими изданиями. Но теперь, находясь на другой кафедре, не имеющей собственной столь обширной библиотеки, и в другом учебном заведении, под влиянием бережного отношения на ней к творчеству предшествующих заведующих кафедрой, которое я наблюдаю каждый день, хочу выразить пожелание Центру. Было бы весьма ценно сохранить в первоизданном виде и сделать мемориальной библиотеку профессора Валентея внутри центровой библиотеки. Сюда вошли бы не только его собственные публикации в полном объеме, но все те книги, которые он читал с его пометками, которыми он пользовался на работе и дома, а также книги всех тех, кто дарил их Валентею со своими дарственными надписями. Может быть, дети и родственники Дмитрия Игнатьевича уже сделали такой дар Центру и факультету, тогда долг библиотеки привести это в хорошее систематизированное состояние.

Последнее, не самое оптимистическое. В заключение не могу не высказать несколько не совсем приятных для Центра пожеланий, исходя из собственного мнения о школе и наследниках-продолжателях дела Валентея. Себя тоже считаю учеником Д.И. Валентея, воспитавшего во мне любовь к теоретической демографии и к систематизации научного знания. Мне кажется, что среди многих учеников Д.И. не нашлось продолжателя не только его исследований (хотя, судя по юбилейному номеру Российского демографического журнала, посвященного 80-летию Валентея, это как раз случилось), но и его организаторского таланта. Научные и организаторские способности Валентея были признаны в научном мире благодаря творчеству самого профессора, его умению руководить личностями с любым характером. Это была не просто известность ученого, а особое отношение к его личности. Оно было и остается к самому Дмитрию Игнатьевичу и к таким его соратникам, как Дмитрий Кузьмич Шелестов и Александр Яковлевич Кваша. Почему не произошло развитие организаторского наследия Д.И., выразившееся в создании не только Центра народонаселения, но и различных комиссий, курсов ООН, курсов повышения квалификации, научных изданий и т.п., и в чем основная причина этого, скорее всего, покажет время. Нужен

более протяженный исторический период, чтобы ответить на этот вопрос, но ответ, по-моему, со временем найдется.

Федотовская Т.А.

ДЕМОГРАФОВ ЖДЕТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ИНТЕРЕСНОЕ БУДУЩЕЕ

Я, безусловно, являюсь бюрократом, со стажем в четверть века государственной службы, и, возможно, единственным профессиональным демографом, проработавшим по этой специальности (скорее продержавшимся) в высших органах государственной власти СССР и новой России столь длительный срок.

Молодость – это самая замечательная часть жизни, и воспоминания о студенческих годах, как правило, если удалось благополучно закончить ВУЗ, окрашены в розовые тона.

МГУ второй половины 60-х – начала 70-х годов отличался относительным либерализмом, хотя каждый думающий студент ощущал красные флажки марксистско-ленинской политической парадигмы.

Как это не парадоксально, но именно политическая экономия капитализма и «Капитал» К. Маркса давали возможность ощутить дух научной свободы и творческого поиска, освоить диалектический метод научного исследования. Что касается теории социализма, то мне она представлялась настолько ненаучной, застывшей, библейской и оторванной от реальной действительности, что приходилось ее не понимать, а заучивать к каждому экзамену, лекции и семинару.

Когда я впоследствии работала преподавателем политэкономии в МИФИ, то любила первый семестр, когда преподавала политэкономии капитализма и ненавидела второй – «социалистический». Талантливые и дотошные студенты, будущие физики-теоретики, умеющие диалектически мыслить, требовали научного обоснования теории политической экономии социализма. И приходилось, проклиная все на свете, «вымучивать» эти доказательства. Может быть, именно косность и догматизм

политической экономии социализма отвратил меня навсегда от преподавания политэкономии.

Все-таки общественно-политическая практика, нормативно-правовое оформление социальной, в том числе демографической политики представлялись как наиболее живой, динамичный и творческий процесс (с учетом того, что политика – это искусство возможного). Особенно если заниматься этими вопросами в высших органах исполнительной и законодательной власти. Вот почему, несмотря на большой интерес к политэкономии капитализма, я с радостью записалась в группу демографов.

Дмитрий Игнатьевич Валентей обрисовал студентам этой группы демографию как науку, буквально вышедшую из подполья, пострадавшую от политических репрессий, находившуюся в долгом забвении, а значит нуждающуюся в возрождении и развитии, более свободную от догматизма и застоя, чем политэкономия. Для нас это выглядело прямо романтично. Он сумел заинтересовать студентов перспективами творческого развития отечественной демографии, многообразием преподаваемых научных дисциплин.

В то время на кафедре народонаселения собрался замечательный коллектив ученых и преподавателей-исследователей, энтузиастов, создававших новую научную школу в демографии. Было необыкновенно интересно слушать лекции преподавателей кафедры и сотрудников Центра народонаселения, и самого Дмитрия Игнатьевича, и знатока зарубежной демографии А.П.Судоплатова, и увлеченного демографией историка Шелестова Д.К., и строгого, педантичного Э.Ю. Бурнашева, и «вредной» и въедливой Г.Ш. Бахметовой, и четкой В.И. Моисеенко, и нередко «смурного» и независимого Б.С.Хорева, и темпераментной В.В.Бодровой, и строгой и методичной Г.Е. Ананьевой.

Кафедра приглашала многих ведущих специалистов со стороны для чтения лекций студентам-демографам. Мне запомнились лекции: Б.Ц.Урланиса, отличавшиеся академизмом, одновременно демографической глубиной и широтой. Лекции А.Г.Волкова отличались дотошностью в разьяснении математических формул и системностью, а Л.Е.Дарского - воспринимались как демографические фантазии. Выступления В.А. Борисова всегда были окрашены бескомпромиссностью и полемичностью. Вспоминаются также интересные, посвященные

международной тематике лекции Я.Н.Гузеватого, который на одной из своих лекций продемонстрировал нам контрацептивы, привезенные им из зарубежной командировки для наглядной иллюстрации политики планирования семьи в других странах. А.Г.Вишневский выступал у нас как первопроходец, приобщавший нас к теории демографического перехода. Л.Л.Рыбаковский прекрасно освещал теоретические вопросы миграционных процессов.

Среди проблем, включенных в широкий круг демографических, были и правовая тематика: известный юрист Е.М.Ворожейкин читал нам о семейном праве, а курс криминологии – высококлассный специалист Ю.М.Бабаев. Дмитрий Игнатьевич приглашал к студентам и аспирантам всех известных специалистов, в том числе с кафедры географии населения географического, с философского факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова, преподавателей МЭСИ, демографов из институтов тогдашней Академии наук СССР (теперешний РАН), демографов Узбекистана, Таджикистана, Прибалтики, Украины и Белоруссии, а также Чехословакии, Венгрии, Болгарии.

В тематике учебных лекций отражалась широта комплексного подхода, формировавшегося тогда в Центре народонаселения. В широком охвате научных проблем отчетливо проявлялась объединяющая роль Валентя, который стремился преодолевать некие барьеры - большие и мелкие разногласия между весьма малочисленными, но амбициозными отечественными «школами» в отечественной демографии. Замечательно, что с большинством демографов независимо от их позиций и у меня теперь сохранились общие профессиональные интересы и добрые отношения. А об ушедших из жизни осталась светлая память.

Особенно много нам давала самостоятельная научная работа над курсовыми или дипломами, благодаря которой я, например, лучше узнала и оценила помощь мне преподавателя Г.Е.Ананьевой, научных сотрудников Э.Ю.Бурнашева и В.М.Моисеенко. Невозможно забыть и моего научного руководителя диссертационного исследования Б.С.Хорева с его настойчивостью, энергией и научным темпераментом.

Вспоминаются всесоюзные переписи населения 1970 и 1979 годов, в которых мне, как и многим другим студентам и сотрудникам Центра, пришлось поработать в качестве счетчика. Я в 1970 г. была студенткой, а в 1979 г. – уже аспиранткой кафедры.

Этот опыт позволял на практике увидеть важность скрупулезного отношения к методическим вопросам учета населения. То, что нам читали на лекциях об источниках демографической информации, невольно конкретизировалось и запоминалось на всю жизнь.

Хорошие тоже научно-практические навыки я получила в экспедиции в 1971 году, которая была посвящена изучению формирования населения Магаданской области. Ее руководителем был Р.В.Татевосов. Экзотика области и обстановка в экспедиции остались в памяти как самое незабываемое событие в годы учебы.

А еще, конечно, наши отношения проверялись и укреплялись на овощных базах, на «картошке», куда направляли студентов, чтобы там поработать на общественных началах, перебирая овощи и картошку, спасая их от гниения. В летние каникулы уже не на общественных началах, а чтобы заработать денег, некоторым удавалось поехать в студенческие стройотряды, где ребята занимались, как правило, строительством каких-либо несложных объектов, а девушки - кухней. Стройотряды отправлялись в ближние и в самые дальние уголки нашей страны. К этой части нашей студенческой жизни кафедра не имела непосредственного отношения, но все равно была не формально как бы в курсе дел.

Я была старостой группы второго выпуска демографов, и мне приходилось часто общаться с Д.И.Валентеем. Он не раз выступал как посредник между группой и деканатом, когда нужно было улаживать неизбежные студенческие шалости и конфликты. Д.И. вместе с другими преподавателями старался приходить к студентам в гости в общежитие МГУ. Иногда он приглашал нас к себе домой, и эти демографические встречи и беседы с чаем и пирогами его жены Марии Алексеевны навсегда запомнились.

После окончания университета, во времена аспирантуры и позднее, когда я уже работала, он имел обыкновение, пригласив к себе в кабинет для какого-нибудь разговора, угощать своим очень крепким черным кофе, который сам пил непрерывно, «закусывая» сигаретами. Благодаря одному из таких общений с Валентеем, я оказалась причастной к работе Курсов ООН по демографии, которые были организованы на базе Центра народонаселения. По предложению Д.И. я подготовила и прочитала там спецкурс по демографической политике в СССР.

Сегодня в Центре народонаселения работают мои

однокашники и выпускники кафедры более поздних лет. У меня с ними сложились и сохраняются добрые научные и личные контакты, как и со всем коллективом Центра. Их профессиональные занятия демографией, преданность идеям Валентея позволяют утверждать, что роль демографии как важной социальной науки, безусловно, будет возрастать, и она будет востребована в нашей стране. Ведь грамотная демографическая политика – это вопрос сохранения России как государства, а будущих россиян как единой нации.

Сейчас все более подтверждается одна из главных идей Валентея, что демография не может быть сведена к демографической статистике, прогнозам численности и структур населения (хотя и в этой области необходимы прорывные исследования). Главным направлением демографии 21 века стали качественные характеристики населения. Теория качества населения, созданная на кафедре и в Центре народонаселения 60-70-е годы сегодня пришла в Россию из-за рубежа под новыми именами качества человеческого капитала и человеческого потенциала. Однако, категории человеческого капитала и человеческого потенциала беднее понятия качества народонаселения. Человек в них рассматривается, в основном, как фактор развития производства. Эти модели стоят ближе к марксовым категориям рабочей силы и трудовых ресурсов. Качество же народонаселения ближе к понятию всестороннего развития человеческих личностей.

Думается, что демографов, особенно молодежь, ждет замечательное и интересное будущее, когда на новом уровне будут развиваться теория и методология науки о народонаселении, прикладные исследования. И свою исключительно важную роль по-прежнему играет коллектив Центра народонаселения, готовящий молодые кадры современных демографов.

Хочется сказать спасибо всему коллективу Центра, сохраняющему научную школу изучения проблем народонаселения.

Эченикэ В.Х.

РАБОТА РЯДОМ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ЦН

На работу в Центр по изучению проблем народонаселения (ЦН) я попал в 1977 г., после возвращения из армии, где проходил срочную службу. До этого Д.И. Валентей был мне знаком, но мало, хотя мои родители были дружны с ним и его семьей.

Поначалу он отнесся ко мне настороженно, т.к. в школе я не отличался примерным поведением. Через какое-то время, заметив во мне не самого плохого работника, Д.И. предложил мне стать научным секретарем ЦН. В этом качестве я проработал более 10 лет, фактически став одним из ближайших его помощников.

Есть многие вещи, которые вызывают мое глубокое уважение к Д.И. как руководителю. Очевидна для всех была его интеллигентность, уважительное отношение к студентам, аспирантам и к любым своим подчиненным. Все, кому довелось с ним работать, отмечают его работоспособность, добросовестность и энергию. Одно из тех качеств, которое не бросалось в глаза, но которое я хочу отметить, - умение «держать удар». В его жизни было много моментов, которые могли бы сломать других, менее стойких людей, но не его. И из этих ситуаций он выбирался всегда с честью.

По-моему, одним из самых больших разочарований Д.И. Валентея на моей памяти стала история с созданием института демографии. Открытие такого академического института в СССР, как мне кажется, очень долгие годы было настоящей мечтой и даже целью жизни Д.И.

Прототипом института демографии для Валентея был созданный им Центр по изучению проблем народонаселения (ЦН), призванный соединить теоретические и прикладные научные исследования с преподавательской и учебной работой, с подготовкой студентов и аспирантов. Центр народонаселения фактически успешно работал еще с конца 60-х годов, но у Д.И. так и не получилось юридически закрепить созданное им научно-учебное подразделение, оформив его единое штатное расписание и структуру его подразделений в соответствующих постановлениях.

После ухода Валентея с должности руководителя ЦН, это, в

принципе жизнеспособное объединение, распалось на кафедру народонаселения и исследовательскую лабораторию. Хотя барьеры между ними существовали всегда, но единое руководство и кафедрой и лабораторией, которое вел Д.И., позволяло ему сохранять управляемость столь сложным организмом, которым был ЦН.

Наиболее близко к осуществлению мечты Д.И. об институте демографии удалось подойти в период правления Горбачева. Насколько мне известно, аналитическую записку, подготовленную под руководством Д.И., удалось передать на самый, как тогда выражались, верх, - тогдашнему генеральному секретарю ЦК КПСС. Отголоском того, что материал был прочитан, стало упоминание М.Горбачевым (в интервью газете французских коммунистов) о сложной демографической ситуации в СССР, как об одном из факторов, затрудняющих экономическое развитие страны. Радость и гордость оттого, что удалось обратить внимание энергичного генсека на демографические проблемы, Д.И. не мог скрыть.

Вскоре после этого стало известно, что решение об организации демографического института принято. Прошло еще какое-то время, и Валентей поехал на встречу в ЦК КПСС. Подробности разговора мне неизвестны, но, вернувшись, Д.И. сказал мне, что создаваемый академический институт не будет называться демографическим и что ему предложили должность всего лишь заместителя директора по науке. Как мне кажется, он рассчитывал на должность директора и, поэтому, отказался от сделанного предложения.

Подготовка аналитических записок и справочно-информационных материалов для высшего партийного руководства (союзного и московского) имела большое значение для самого Д.И. и для всего Центра. С помощью этих «справок» (как их для краткости называли в ЦН), иногда удавалось обратить внимание ЦК КПСС или даже самих генеральных секретарей на некоторые демографические проблемы.

Ю.Андропов, хотя находился у власти очень недолго, однако успел высказаться на демографическую тему. За точность не поручусь, но смысл его высказывания сводился к тому, что наряду с социальным, важнейшими факторами общественного развития являются демографический и национальный. По тому

воодушевлению, которое эти слова вызвали у Д.И., можно было понять, что Центр народонаселения причастен к такой высокой оценке роли демографического фактора.

Много раз Д.И. выступал на заседаниях тогдашнего московского «правительства» - Московского городского комитета КПСС, которым руководил Гришин. Социально-демографические проблемы города долго были одной из важных тем, которыми занимался Центр и Д.И. В 80-е годы в исследовательской лаборатории, входившей в структуру Центра, был специально создан сектор социально-демографических проблем г. Москвы.

Выступления Д.И. вне зависимости от их приоритетности всегда сопровождались длительной и тщательной подготовкой. Каждый раз создавалась рабочая группа, которая готовила материалы не только непосредственно по теме выступлений, но и по смежным проблемам, которые могли быть подняты в ходе обсуждения. Д.И. внимательно изучал все материалы, стараясь точно осмыслить каждый аспект проблемы. Хотя в самих выступлениях 90-95% подготовленных материалов Д.И., как правило, не использовал, но овладение этими материалами придавало ему определенное чувство уверенности. А оно было тогда очень необходимо, потому что стиль руководителей того времени был авторитарным, подчеркнuto жестким, а порой и просто грубым, и здесь нужно было быть готовым к любым вопросам.

Больше 10 раз Д.И. выступал на заседаниях горкома, которыми руководил Гришин, и только один раз - под председательством занявшего эту должность Ельцина. Разительный контраст между стилями руководства этих двух политиков произвел на Валентея очень сильное впечатление. Как всегда после своих выступлений Д.И. и в этот раз собрал в своем кабинете руководителей секторов и отделов ЦН. Очень воодушевленно стал рассказывать о заседании в горкоме, особо отмечая демократичный стиль Ельцина. Так, участникам заседания было предложено высказаться, и каждый выступавший был благожелательно выслушан, только после этого стал говорить Ельцин. Как я понял, этот стиль очень отличался от стиля «позднего» Гришина, выступавшего всегда первым, в директивном тоне, после чего остальным участникам совещаний по большей части приходилось только поддерживать его высказывания, кто как умел.

Д.И. сказал тогда много очень хороших слов о Ельцине и

его внимании к демографическим проблемам Москвы. О том, насколько сильно было впечатление Д.И. от первой встречи с Ельциным, говорит такой штрих. Когда в ходе рассказа в его кабинет заглянул сотрудник ЦН Баркалов, которого зовут Николай Борисович, Д.И. пригласил его словами «Борис Николаевич, заходите».

Со временем Д.И. кардинально изменил свое мнение о Ельцине той поры, и больше никогда не вспоминал о первом впечатлении, но мне оно запомнилось. Сам Д.И. в людях, особенно руководителях, ценил демократичность и открытость. Не случайно в его рабочем кабинете всегда на видном месте хранилась вырезка из газеты со статьей «Обаяние неповторимой личности», посвященной ректору МГУ Р.В. Хохлову, трагически погибшему в молодом возрасте. Вспоминая о нем, Д.И. говорил, что при Хохлове дверь в ректорский кабинет была всегда открыта для заведующих кафедрами.

Подготовка аналитических записок, справок или выступлений для Д.И. была сродни выпуску газеты, с непременным возбуждением, ажиотажем, спорами, гонкой и прочими атрибутами срочной и творческой работы. Пройдя хорошую школу литературной и журналистской работы в ряде редакций периодических изданий, Д.И. сохранил до конца жизни вкус к редакционной деятельности.

Часто Д.И. вспоминал эпизод своей совместной работы с академиком Струмилиным в журнале «Вопросы экономики». Работая его заместителем, Д.И. как-то исправил некоторые стилистические шероховатости в статье Струмилина. Струмилинин заметил это и высказал свое возмущение. При этом, как рассказывал Д.И., Струмилинин довольно резко подчеркнул, что человек – это стиль, поэтому попросил восстановить свой изначальный текст.

Уважительное отношение к чужому стилю и мнению отличало Д.И. от других редакторов, с которыми мне приходилось иметь дело. Иногда это приводило к сохранению противоречивых положений даже в пределах одной книги, редактором которой был Д.И., Так случилось с одной из первых коллективных монографий - «Марксистско-ленинская теория народонаселения». В ней так и не удалось согласовать позиции авторов разных глав А.Я. Боярского и Б.Ц. Урланиса. Несмотря на все попытки и уговоры Д.И., книга так и вышла с противоположными утверждениями в двух разных главах.

Д.И. часто помогал мне, хотя никогда не подчеркивал это, а часто даже и не говорил об этом. Иногда я узнавал об этой помощи случайно. Так было, например, в 1981 году, когда мой отец решил взять меня с собой в поездку по Испании. Для этого мне нужно было получить в МГУ «выездную» характеристику. Как известно, в СССР права на свободный выезд из страны не существовало. Такое право на выезд за границу предоставлялось только в качестве поощрения особо проверенным и лояльным власти гражданам. Причем существовала система постепенного повышения доверия власти к избранным. Сначала разрешался выезд в социалистическую страну. Если человек вел себя там хорошо, то со временем ему разрешалось поездка, скажем, в Югославию, где социализм был не слишком ортодоксальным и имел «пережитки» капитализма. Если же и там все проходило гладко, то в качестве высшего поощрения разрешался выезд в капиталистическую страну.

У меня случай был немного другим. Отец, как политический эмигрант из Испании, мог ездить на свою родину достаточно часто, каждый раз оформляя поездку через Красный Крест. Несколько раз он брал меня с собой, и я еще ребенком бывал в капиталистической стране. В 1981 г. я получил письмо Красного Креста на имя тогдашнего ректора МГУ Логунова с просьбой выдать мне характеристику для краткосрочного выезда в Испанию. Прохождение характеристики по инстанциям заняло примерно полгода: комсомольская организация кафедры, партийная организация кафедры; «цеховая» (объединяла несколько кафедр факультета) комсомольская организация, «цеховая» партийная организация. Затем комитет комсомола факультета, выездная комиссия парткома факультета, партком факультета. Наконец я добрался до комитета комсомола МГУ. Там мне прямо сказали: не дадим тебе характеристику, - вдруг ты останешься за границей. На мое возражение, что я уже бывал в Испании и вернулся, мне ответили, что ты тогда был ребенком, а сейчас ты уже взрослый, значит, опасность возросла.

Придя на кафедру из главного здания МГУ, я позвонил отцу и сказал, что вряд ли мне удастся с ним поехать. Д.И. был на кафедре, затем куда-то ушел. Вернувшись, через какое-то время он предложил мне пойти к нашим комсомольцам снова. Не веря в успех, я все-таки пошел, и, к моему удивлению, моя характеристика была подписана. Ни на выездной комиссии, ни в самом парткоме

МГУ проблем не возникло.

Никогда Д.И. мне не рассказывал, как ему удалось добиться «комсомольской» подписи. Позднее я случайно узнал от знакомого, что Д.И. пришел в комитет комсомола и лично поручился за меня, обещая, что я не стану «невозвращенцем».

Летом Д.И. обычно много времени проводил в г. Малоярославец, в небольшом доме с красивым садом. Бывал я там несколько раз, но по понятной причине больше всего мне запомнился эпизод, связанный с моей диссертацией. Д.И. формально не был моим научным руководителем, хотя помогал мне на всех этапах работы. В том числе по его просьбе Н.Б. Баркалов уделял мне много внимания.

Перед отъездом Дмитрия Игнатьевича на лето я попросил его прочитать рукопись моей диссертации. Он обещал прочитать и потом позвонить, чтобы я приехал в Малоярославец, забрал рукопись и выслушал «вердикт». Так все и получилось. Общий вывод его был для меня радостным - «готовая диссертация». Мне запомнилась наша долгая беседа в саду за простым деревянным столом, - каждое замечание он подробно объяснил, сделал деликатные пожелания по стилю и возможным изменениям. Сейчас, когда у меня у самого есть аспиранты, я понимаю, насколько внимательно и доброжелательно отнесся Д.И. к моей работе. Рукопись с его автографами я храню до сих пор, - на ней нет ни одной не исписанной его рукой страницы.

После злополучного падения недалеко от первого учебного корпуса университета, когда Д.И. сломал ногу, его здоровье резко ухудшилось, снизилась работоспособность, изменилось настроение. Тем не менее, он сохранял мужество и твердость характера. Ему тяжело дался добровольный уход с должностей заведующего кафедрой, руководителя Центра и лаборатории, переход на исследовательскую должность. В эти трудные годы, как и всегда, рядом с ним была его жена, - Мария Алексеевна. Вместе они составляли очень трогательную и неповторимую пару пожилых людей, проживших долгую жизнь и обладающих высоким чувством собственного достоинства.

В одну из последних моих встреч с Д.И. у него дома, было традиционное чае-кофепитие, организованное Марией Алексеевной. Оба они чувствовали себя неважно, но держались мужественно, шутили, хотя и весьма мрачно. Пили чай. Запомнился такой диалог

в стиле черного юмора. «Митя, опять ты ешь пирожные, ведь тебя невозможно будет поднять на похоронах». И ответ Д.И. в тон ей: «Маша, я тогда уже спешить не буду, пусть ребята останвятся, передохнут, а потом понесут снова». Тогда я веселился вместе с ними, не мог удержаться от смеха, а сейчас завидую им, сохранившим такое философско-демографическое отношение к жизни и смерти.

Дмитрий Игнатьевич был отличным педагогом. Он много и охотно тратил время на своих учеников – аспирантов, студентов, молодых научных сотрудников. Мне лично очень многое дало общение с ним с точки зрения стиля управления. Если есть во мне хоть какое-то умение ладить с людьми, работать с сотрудниками, придерживающимися подчас самых разных профессиональных взглядов и имеющими самые разные модели поведения, иногда весьма противоречивые и агрессивные, - то эта заслуга Дмитрия Игнатьевича, который старался воспитать во мне профессиональную сдержанность, толерантность и уважение к чужим взглядам.

Шаповалова Н.Н.

ТАЛАНТ ЭНЦИКЛОПЕДИСТА

Лето 1968... Успешно сдав вступительные экзамены, мы становимся студентами Московского государственного университета. Экономический факультет ещё размещается на Моховой. Знакомство с Дмитрием Игнатьевичем происходит буквально в первые дни нашего пребывания в Университете. Собрание первокурсников происходило в Ленинской аудитории. Ряды, расположенные амфитеатром, были заполнены до отказа. На трибуну взошёл заведующий кафедрой по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ – молодой мужчина в белой рубашке, энергичный и уверенный в себе. Выглядел он великолепно, ежик торчащих волос необычайно гармонировал с характером его речи, убедившей нас, что в жизни нет ничего интереснее исследования народонаселения и делать это надо, специализируясь на соответствующей кафедре прямо с

первого курса.

Потом были годы учебы в демографической группе (так нас называли сокурсники), годы учебы в аспирантуре, защита диссертации, научным руководителем которой был руководитель Центра по изучению проблем народонаселения доктор экономических наук, профессор Д.И. Валентей. Моя последующая работа в издательстве «Советская энциклопедия» напрямую не была связана с демографией, но «прививка» 1968 года обеспечила устойчивую привязанность к данной научной проблематике. Вскоре мне представилась возможность на деле выразить свою благодарность Учителю за все годы учебы. Я имею в виду подготовку и выпуск Демографического энциклопедического словаря в издательстве «Советская энциклопедия». Мне трудно сказать, когда зародилась идея создания Словаря, но в планах издательства он фигурировал с 1979 года.

Издательство утвердило редакционную коллегию, в её состав Дмитрий Игнатьевич как главный редактор включил всех ведущих специалистов, несмотря на имевшиеся научные противоречия. Мне была отведена координирующая роль в качестве ответственного секретаря.

Приятно было окунуться в родную атмосферу, на утренних совещаниях по подготовке словника Словаря Д.И. пил черный кофе, курил «Дымок» и постоянно напоминал, что мы должны удерживаться в русле системы знаний о народонаселении. Д.К. (так называли сотрудники Центра Дмитрия Кузьмича Шелестова) – признанный энциклопедист с опытом работы в научно-контрольной редакции издательства «Советская энциклопедия» – прекрасно владел методикой проектирования такого рода изданий, поэтому Д.И. всегда прислушивался к его предложениям. Э.Ю. Бурнашев справедливо считал, что курируемый им раздел – зарубежные страны и республики СССР – будет украшением Словаря, будет наиболее востребован читателями и поэтому объем раздела должен быть увеличен. Проект словника обсуждался в Центре, в отделе Демографии НИИ ЦСУ СССР, других научных учреждениях. В итоге получился проект словника Словаря, который только назывался Демографическим, на самом же деле воплощал широкий подход к изучению народонаселения, охватывая проблематику сопредельных с демографией наук.

Заседания редакционной коллегии, которые неизменно

проводил Дмитрий Игнатьевич, нередко превращались в поле научных сражений. Достаточно сказать, что обсуждались такие статьи, как Демография (автор А.Г. Волков), Воспроизводство населения (автор А.Г. Вишневский). Однако всегда находилось общее решение, поскольку, несмотря на различия во взглядах, ученых объединяла общая цель – создание книги. С позиций сегодняшнего дня заметна определенная идеологизированность Словаря, что вполне объяснимо - книга вышла в 1985 году, когда к общественным наукам предъявлялись вполне определенные идеологические требования. Тем не менее, по глубине раскрытия материала и широте охвата народонаселенческой проблематики Словарь и ныне не имеет аналогов в мире. Конечно, современный энциклопедический словарь по демографии содержал бы большой раздел по экономической демографии, математическим методам анализа, демографическим теориям и возможно другим вопросам. Сегодня, когда такого рода обновленный Словарь очень нужен, никто не берется за его подготовку. Поэтому оценка масштаба научных и организационных проблем, решенных Д.И. Валентеем – Главным редактором, значение вклада всего авторского коллектива в развитие отечественного энциклопедического дела предстают все более значительными.

Калинюк И.В.

ОН УЧИЛ РАБОТАТЬ И ЖИТЬ

Когда в последний раз я видела Дмитрия Игнатьевича, он непрерывно пил растворимый кофе и был ужасно энергичным. Его энергия была настолько неистощима, что и сейчас, 13 лет спустя (когда я покинула университет), мне кажется, что в Центре ничего не изменилось и Валентей также продолжает руководить, а мы все продолжаем работать под его началом.

Человек он был удивительный, но, прежде всего Дмитрий Игнатьевич был талантливейшим ученым-руководителем, которому не хватило жизни, чтобы претворить все, что задумал. Он все хотел знать и все успеть. Не помню его усталым, помню только, как загорались его глаза, когда что-то его интересовало, а интересно

ему было все новое. Ему всегда нужно было дойти до "самой сути". Не существовало того, на что он не обратил бы внимания.

После долгого периода запрета и полного забвения в нашей стране демографии, Валентей создает в рамках Московского государственного университета первый в стране Центр по изучению проблем народонаселения (вначале объединивший кафедру и проблемную лабораторию народонаселения). И не только создает Центр, но и поднимает его до уровня международных масштабов. Сейчас трудно себе представить, как ему это удалось. Скорее всего, как руководитель он понял, что единственно возможное условие для выживания и развития Центра заключалось в том, что коллектив Центра всегда и во всех начинаниях должен быть первым. Поэтому Дмитрий Игнатьевич добился, чтобы на экономическом факультете МГУ впервые началась специализация студентов и аспирантов, иначе говоря, была создана школа для подготовки высококвалифицированных специалистов (а не просто статистиков) в области народонаселения. Так что теперь ее выпускники работают всюду. Эта школа была важна не только для Центра, чтобы он мог развиваться и распространять через своих выпускников демографические знания в других областях науки и общественной практики. Новая учебная специализация была важна для углубленного изучения самого народонаселения страны, которое постепенно становилось одним из важных предметов исследования, как и во всем цивилизованном мире.

В моей памяти Дмитрий Игнатьевич Валентей навсегда останется как талантливый педагог, который считал, что ученики - это самое главное в жизни учителя. Я это отчетливо поняла, потому что была в числе первой группы аспирантов только что созданного Центра. Несмотря на свою занятость, Дмитрий Игнатьевич уделял нам столько внимания, что каждый из нас считал его своим руководителем.

Прежде всего, он заботился о нашем образовании. Мы все были из разных ВУЗов и имели неодинаковую подготовку для углубленного изучения демографии и более широко – народонаселения. Поэтому чтобы дать нам необходимые знания, Валентей договаривался с лучшими специалистами страны, которые читали нам лекции по субботам. Он приглашал нас к себе домой, чтобы побеседовать с нами в неофициальной обстановке о проделанной работе. Он всеми силами старался поддерживать в нас

энтузиазм, уверенность в том, что все, что мы делали важно для общества. Этой уверенности нам обычно не хватало.

Периодически он заставлял нас отчитываться на заседаниях кафедры и Центра. Обычно по выражению его лица, мы догадывались, насколько ценны наши разработки, насколько мы продвинулись в своей теме диссертации и вообще в демографических знаниях. Он не давал нам остановиться, и все время стимулировал нас двигаться дальше.

И мы учились. Нам не хватало знаний, информации, техники, чтобы рассчитывать эти данные. Мы учили математику, социологию, психологию, историю, системный анализ, эпидемиологию и многие другие науки. Именно он предвидел, что знание этих дисциплин нам пригодится в жизни. Они действительно пригодились уже потом, когда мы разрабатывали целевые программы экономического и социального развития страны.

Дмитрий Игнатьевич сумел создать в Центре атмосферу, в которой воспитывал у научных сотрудников желание знать и уметь, отдавать себя полностью работе. Те, кто не мог работать – уходили, отсеивались, как при естественном отборе отсеиваются все, кто не может приспособиться к новым условиям жизни. Сейчас я понимаю, что он собирал (и собрал) вокруг себя людей, на которых он мог рассчитывать и возлагал на них большие надежды. Он учил нас быть ответственными за свою работу. Это, конечно, подстегивало и развивало нас.

Никогда не забуду, как я должна была писать отзыв на докторскую диссертацию Н.Н. Сачук по геронтологии. Я только что защитила свою диссертацию по проблемам старения населения. «Мы головная организация, ты у нас единственный специалист в этой области. Через месяц нужно отзыв отослать»,- сказал он. Возражать было бесполезно. Целый месяц я сидела на Солянке в медицинской библиотеке и изучала геронтологию, чтобы написать отзыв с достойной критикой.

Он доверял нам, и благодаря этому научил нас многому – исследовать, писать, преподавать, выступать перед коллегами. Но самое главное, он научил нас работать и не бояться никакой работы. Единственное что мы сейчас умеем делать – это работать. Этому нас научил Он. Работа для нас, так же как и для него, была потребностью жизни. Все остальное - семья, социальная жизнь – это дополнение к работе. Вот мы и живем, чтобы работать, а не

работаем, чтобы жить.

Правда, когда мы были первыми аспирантами кафедры, он казался нам гением с неиссякаемыми идеями, которые он проверял на нас. Идей действительно было много, гораздо больше, чем в то время исполнителей, которые могли бы их реализовывать. Но мы старались их выполнить и не потому, что мы были такими исполнительными и послушными, а, скорее всего потому, что идеи были интересными. А все начиналось с простой фразы: «Пожалуйста, не в службу, а в дружбу, нужно срочно...», а дальше следовало задание, и у нас уже не было ни выходных, ни отпусков, как и у самого Дмитрия Игнатьевича, проводившего лето в Малом Ярославце и посылавшего оттуда очередные задания: то нужно было срочно написать справку о демографической ситуации в стране для предстоящего Пленума ЦК, то статью для очередного сборника народонаселения, то главу в монографию.

Статистических данных для интересной статьи, которую можно было бы опубликовать в открытой печати, практически не было. Мы как детективы добывали эти данные по крохам из научной литературы, а потом их рассчитывали так, чтобы цензура пропустила их в печать. На эту невидимую работу порой уходило и отпускное время, и выходные. Мы постоянно брали с собой на отдых какие-то расчеты, рукописи, новые монографии, очень важные для Центра, чтобы доделать, как всегда, к какой-то срочной дате, и «не в службу, а в дружбу». Мы работали и летом во время отпуска, выполняя очередное задание Валентея, в Подмоскowie или в Юрмале, куда вывозили и своих детей «дышать свежим воздухом». А задания с каждым разом становились все труднее и интереснее. Это заставляло нас заново погружаться в какую-нибудь абсолютно незнакомую область.

А ему всегда этого было мало – он стремился охватить все, чем занимались демографы всего мира, узнать все, что мало известно, и использовать в деятельности Центра – начать ли читать новые спецкурсы, внедрить ли демографию на гуманитарных факультетах Университета, издать ли новый сборник или монографию, выступить ли с лекцией перед специальной аудиторией ...

Я пришла в Центр с надеждой продолжить исследование социальных проблем рождаемости. Это была тема моей дипломной работы, и она меня очень захватила, так как я впервые сделала

анализ рождаемости не по литературным источникам, а по реальным данным бюджетного обследования жителей Москвы. Я хотела провести исследование рождаемости в приложении ко всему населению страны. На эту тему я написала реферат для поступления в аспирантуру и пришла на первую встречу с Дмитрием Игнатьевичем Валентеем в старое здание Университета на Моховой. К этому времени я уже два года проработала на "производстве"- была заместителем начальника переписи населения в Статистическом управлении г. Москвы. После этих двух лет я поняла, что не могу больше заниматься административной работой. Я хотела заниматься наукой и была ужасно счастлива, когда Александр Яковлевич Кваша предложил мне поступать в аспирантуру на экономический факультет МГУ. Мою кандидатуру должен был утвердить руководитель Центра проблем народонаселения, профессор Д.И. Валентей. До этого я видела Д.И.Валентея всего один раз на конференции в ЦСУ СССР, где он полемизировал с П.Г. Подъячих, в то время начальником Управления переписи населения ЦСУ СССР и моим как бы самым главным начальником.

Естественно, я очень волновалась. Готовясь к этой встрече, я основательно проштудировала книгу «Зарубежные методы в изучении рождаемости» под редакцией А.Г. Волкова и чувствовала себя подготовленной к тому, чтобы «объяснить» профессору Валентею, почему тема рождаемости и семьи очень важна и перспективна. Валентей внимательно выслушал меня, по его суровому выражению лица нельзя было понять, что он думает. Он только спросил, по каким данным я собираюсь писать диссертацию. Я ответила, что по данным переписи населения или данным обследования. «Но у вас сдан кандидатский минимум и на диссертацию остается всего два года. За два года нереально составить программу обследования, получить на него разрешение и деньги для его проведения, обработать результаты и еще написать диссертацию. Вы не успеете все это сделать за два года», - повторил он еще раз. Я подумала, что он не хочет меня брать, и изо всех сил попыталась его убедить, что напишу диссертацию за два года, что я уже «потеряла» много лет и не могу себе позволить писать диссертацию дольше, так как уже слишком стара. Валентей опять очень внимательно посмотрел на меня и начал смеяться. Он смеялся так, что его глаза стали мокрыми. «Мне кажется, - сказал он, -

довольно бестактно с вашей стороны напоминать нам с Александром Яковлевичем именно таким образом о нашем возрасте». Он махнул рукой и ушел, а я в течение нескольких дней так и не знала, взяли меня в аспирантуру или нет.

Мы никогда не смотрели на Валентея с позиции его возраста. Он всегда был с нами и, может быть, поэтому всегда казался нам ровесником, особенно когда мы, аспиранты, устраивали масленицу или «обмывали» стипендию. И вдруг мы узнаем, что ему 60 лет. Сейчас мне кажется, что он стеснялся этого возраста и поэтому категорически запретил отмечать свой юбилей в Центре. Но мы все-таки сделали ему в качестве подарка альбом-коллаж из своих фотографий и фотографий из модных журналов. Тема нашего альбома была «Что такое 60 лет в жизни человека и на что человек способен в свои 60. Это была, конечно, шутка. Правда, после вручения альбома, мы страшно испугались, что вдруг он обидится. Он не обиделся. Он смеялся до слез, перелистывая альбом, а потом сказал, что это самый лучший подарок в его жизни.

Он действительно был необыкновенный Учитель, который научил нас не только работать, но и жить.

Денисенко М.Б.

ДМИТРИЙ ИГНАТЬЕВИЧ НАС ВСЕХ ОБЪЕДИНЯЛ

Моя первая встреча с Дмитрием Игнатьевичем Валентеем состоялась в сентябре 1979 года. Тогда я, студент второго курса экономического факультета, решил сменить свою специализацию и перевестись с отделения экономической кибернетики в группу демографов. В учебной части мне объяснили, что для этого необходимо пройти собеседование с заведующим кафедрой. И в назначенный день я робко стучусь в кабинет известного профессора. «Войдите» - слышится в ответ интеллигентный голос. Я вхожу, стою, переминаясь с ноги на ногу у двери, что-то начинаю говорить... «А почему Вы переходите? Вы проходите и садитесь». Я прохожу и сажусь в известное многим знаменитым ученым кожаное кресло, которое стояло прямо перед столом. Продолжаю объясняться в своей любви к демографии. В это время на столе у

кресла появляется чашечка кофе. Дмитрия Игнатьевич предлагает мне сделать глоток. В это время кто-то из сотрудников заходит в кабинет, начинает что-то говорить, но профессор замечает, что он очень занят и просит зайти позже. «А скажите, что вы читали по демографии?» Я начинаю перечислять книги и статьи отечественных и зарубежных авторов, среди которых были экономисты, географы, и даже биологи, но, как вскоре выяснилось, кроме работ самого Д.И.Валентя и Б.С.Хорева, я не упомянул ни одной публикации сотрудников Центра по изучению проблем народонаселения. Спустя несколько лет, когда Дмитрий Игнатьевич вручал мне центровский сборник с моей статьей, он, шутя, напомнил мне мой первый «список литературы».

Эта первая встреча с Д.И.Валентеем глубоко врезалась мне в память. Тогда его манера общения со студентом казалась необычной для нас, второкурсников. Она открывала собой долгожданную сторону университетской жизни – общение с настоящими профессорами московского университета. Не каждый, носящий в МГУ титул профессора, был для нас этим «настоящим университетским профессором». Последнего отличала глубокая внутренняя культура, широчайший кругозор, интересная жизнь и бескорыстная любовь к своему делу, уважительное отношение к студенту. Это порой подчеркивалось в обращении к нам по имени отчеству, хотя в ходу тогда было «тыканье». Общение с ними не только вдохновляло нас к научному поиску, но и существенно обогащало всю нашу жизнь.

Впоследствии жизнь сталкивала меня и моих коллег-студентов со многими замечательными людьми. Несомненно, мне повезло, что среди моих учителей были профессора Д.К. Шелестов, О.В. Лармин, А.Я.Кваша, С.А. Ковалев. Все бывшие студенты-демографы, закончившие обучение до начала 1990-х гг., приведут свои, отличные списки любимых учителей. Однако в чем мы будем точно едины, так это в том, что каждый назовет Валентя. Дмитрий Игнатьевич нас всех объединял. Он был один такой, который знал практически всех по именам и по темам исследований; он интересовался нашими судьбами и устраивал судьбы многих из нас. Он внимательно опекал и помогал многим ученым со всего Советского Союза: из Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, разных регионов России. Не случайно для многих демография и Валентей в 1970-1990-х гг. были синонимами. Дмитрий Игнатьевич

задавал такие высокие стандарты общения, которым всегда хотелось следовать и которые, к сожалению, вместе со старшим поколением наших коллег и учителей остаются в прошлом.

Из учебных занятий с Дмитрием Игнатьевичем в моей памяти останутся спецкурс по теории народонаселения и аспирантский семинар. Спецкурс проводился, кажется, на пятом курсе. Профессор Валентей его прекрасно организовал: он учел возможности нашей достаточно сильной группы (среди моих одногруппников были известные многим демографам Ольга Малева и Мила Вишневская, которые, к сожалению, в 1990-х гг. оставили демографию, а также Вика Коротеева, ныне известный этнолог), а также нашу потребность получать знания в активной форме.

Дмитрий Игнатьевич понимал, что для студентов-пятикурсников истина чаще всего должна была рождаться в споре. Семинары проходили очень содержательно. Были докладчики и содокладчики, профессор Валентей прекрасно управлял ходом дискуссий, открывал их и подводил итоги. Подготовка к семинару шла при его самом активном участии, ибо докладчик обсуждал с ним и план выступлений и литературу. Уровень требований был очень высокий, соответственно, мы готовились к своим презентациям очень серьезно. Причем, хочется отметить, что на этих семинарах, которые вел один из авторов «Марксистско-ленинской теории народонаселения», обстановка была достаточно свободная, не было никакого идеологического давления. Мы говорили то, что думали, и так, как умели. Я выступал с докладом по теории науки. Соответствующие работы Куна и Поппера, Харвея, Бернала, Пуанкаре и других были мной проштудированы от корки до корки (естественно, те из них, которые были доступны). И так каждый из нас, благодаря Валентею, обогащал себя и своих товарищей новым, выходящим за рамки стандартных учебных программ знанием.

Аспирантский семинар был, пожалуй, любимым детищем Дмитрия Игнатьевича. Он проводил его в запоминающееся время. Для аспирантов, как и для преподавателей, утро субботы - 10:00, казалось, не самым подходящим временем для интеллектуальных упражнений, тем не менее, мы к этому быстро привыкли. Свои занятия профессор Валентей проводил в своем кабинете, благо аспирантов первого года обучения было не так много. Правда, к нам иногда присоединялись аспиранты с других факультетов, например,

географического и философского. Мне довелось увидеть, как Валентей готовился к этим семинарам. Казалось, зачем ему это нужно, он ведет их много лет. Но ответ на эти вопросы очень простой – он всегда проводил их по-разному, поскольку менялась демографическая ситуация, менялась наука, менялись мы, менялся он сам. Надо заметить, что именно после дискуссий на аспирантском семинаре у Валентея мы стали осознавать свою принадлежность к цеху демографов. Семинар прекратил свое существование, когда Дмитрий Игнатьевич перестал заведовать кафедрой.

Несомненно, мне очень повезло, что с момента моего поступления в аспирантуру в 1987 году и вплоть до самой кончины, Дмитрий Игнатьевич уделил моей персоне немало времени. Он пригласил меня остаться работать преподавателем на кафедре, хотя срок моего аспирантства еще не закончился. При этом он отговорил меня продолжать свое обучение в аспирантуре Варшавского университета. Аргументация была железной: «С МГУ это не сравнить». Потом были интересные обсуждения новых направлений в развитии науки о народонаселении, работы над проектами новых учебных программ, в которых принимали участие Н.М. Калмыкова, В.Х.Эченике, Б.П.Денисов. К сожалению, болезнь помешала реализоваться многим планам Дмитрия Игнатьевича.

Одной из своих первых больших демографических публикаций я тоже обязан Д.И.Валентею. Он с Дмитрием Кузьмичем Шелестовым выбрали из моей диссертационной рукописи материал и поместили его в сборнике «Народонаселение. Современное состояние научного знания» (М., 1991) под названием «Особенности изучения демографических процессов в СССР». Об этом приятном сюрпризе я узнал, получив гранки от редактора издания. Защита же самой диссертации также прошла при активном участии профессора Валентея.

Я радикально поменял тему своего исследования: от «миграционных систем» перешел к захватывающим сюжетам исторической демографии. И он меня в этом поддержал. Здесь стоит вспомнить, что на дворе была «эпоха перестройки и гласности». История переосмысливалась, и в этом процессе хотелось принимать активное участие. Как тогда было принято среди аспирантов, я не вылезал из библиотек и архивов, собирал информацию и обсчитывал параметры демографических моделей, с самыми

современными из которых (Коула-Трассела, Брасса, Бонгаарта и др.) тогда нас знакомил Н.Б.Баркалов. Время шло, а конца работы не было видно. Мои научные руководители – Д.К.Шелестов и Б.С.Хорев – никак не могли остановить мой бесконечный поиск истины. А время шло. Дмитрий Игнатьевич решил все очень быстро, пригласив меня для беседы к себе домой. «Где диссертация?». Я показываю разрозненную рукопись общим объемом страниц в 500. «Сколько времени Вам надо, чтобы все закончить?». Я называю сроки. «Дату обсуждения и защиты вашей диссертационной работы я Вам сейчас назову». Я пытаюсь возразить против названного им трехмесячного срока, но Дмитрий Игнатьевич меня уже не слушает и начинает говорить об искусстве.

Буквально два слова хочется сказать о моем видении вклада Валентея в науку. Надеюсь, что в будущем об этом напишут и книгу и защитят диссертации. Конечно, Дмитрий Игнатьевич был прекрасным организатором науки или, говоря современным языком, менеджером самой высокой категории. Сейчас, даже трудно представить, насколько было тяжело создавать, точнее - реабилитировать демографию в СССР после долгих лет запретов. Валентей в этом процессе принимал самое активное участие.

Он создал свой научно-образовательный центр и содействовал организации многих демографических учреждений почти во всех союзных республиках бывшего СССР. Во многом благодаря его усилиям демографическая тематика вошла не только в деятельность государственных структур, но и стала востребованной, как говорится, широкими кругами общественности. Организаторская работа отнимает много времени, но он при всей загруженности оставался, прежде всего, ученым. Именно это позволило профессору Валентею сделать огромный вклад в возрождение отечественной демографической науки и создать свою научную школу.

Д.И.Валентей сам не занимался количественными методами исследований, но он прекрасно понимал их значимость для подготовки демографов и прогресса демографии. Более того, он постоянно требовал, чтобы эти методы активно изучались студентами. Кстати, в МГУ благодаря Валентею демографы одними из первых получили в свое распоряжение настоящие персональные компьютеры – «Роботроны» из ГДР. Эти компьютеры были совместимы с IBM, на которых можно было устанавливать

современное по меркам конца 1980-х начала 1990-х гг. программное обеспечение, включая демографические пакеты Moptrack и DemproJ.

Роботрон был идеологом комплексного подхода к изучению проблем народонаселения. Фактически он обосновывал то научное направление, что на Западе со временем получило название «Population Studies». Именно этот количественный подход к населению привлек меня на втором курсе на кафедру народонаселения. Именно на семинарах Валентея мы учились анализировать демографические процессы во взаимосвязи, обращаясь к самому широкому кругу факторов, а в самих демографических явлениях видеть не только статистические совокупности, но и конкретных людей.

Для нас, в прошлом студентов-демографов (а таких наберется почти полтысячи), Дмитрий Игнатьевич Валентей давно стал символом и демографии, и университета, и интеллигентности. Мы – «птенцы гнезда Валентеева» часто вспоминаем дорого нам учителя и человека. Эх, хотя бы на пару лет, ну хотя бы на год дольше пожил бы он. И тогда, я уверен, судьба университетской, да и не только университетской демографической науки в нашей стране могла бы сложиться иначе, а точнее говоря, лучше.

Баженова Е.С., Кадомцева С.В.

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА ПЕРВЫХ СТУДЕНТОВ-ДЕМОГРАФОВ

Нам посчастливилось быть первым набором студентов демографической группы, в которую, как мы считаем, собрались люди-энтузиасты изучения демографии; и они остались верны этой проблематике до сегодняшнего дня.

Первое знакомство с учеными-демографами произошло во время нашей студенческой производственной практики в Мариинском Посаде, в Поволжье. Практика состояла в нашем участии в экспедиции, организованной Проблемной лабораторией народонаселения экономического факультета МГУ для изучения демографической ситуации, а точнее - малых городов в Волго-

Вятском районе. (Результаты экспедиции отражены в монографии «Малый город».-М.,-1972).

Экспедицию в первое время возглавлял Дмитрий Игнатьевич Валентей. Всей конкретной работой по обследованию руководил Борис Сергеевич Хореев, в то время еще кандидат географических наук. В экспедицию поехали известные ученые и специалисты, такие как сам Б.С. Хорев, Б.Д. Бреев, Г.П.Киселева, Э.Ю.Бурнашев, В.М. Моисеенко, Р.С. Ротова, А.С.Первушин, Т.К.Смолина, Л.Н.Казакова. Мы участвовали в анкетировании местных жителей, собирали разную первичную информацию о населении, данные о социально-экономическом развитии этого города.

Мы, пришедшие в университет со школьной скамьи, впервые тесно соприкоснулись в рабочей обстановке с настоящими учеными, которые обращались с нами по-товарищески и одновременно в процессе сбора материалов обучали первым навыкам исследовательской работы. Экспедиция запомнилась обстановкой общего рабочего энтузиазма, веселья, юмора.

Дмитрию Игнатьевичу, как известному ученому, руководителю экспедиции и почетному гостю руководство Чувашской республики на время экспедиции выделило машину скорой помощи, на которой Валентей мог разъезжать не столько по Марпосаду (городок был слишком мал – всего 10 тысяч населения, и его интересней было «обходить» ногами, а не объезжать на скорой помощи), сколько посещать другие чувашские города (Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш) в связи с организацией нашего обследования. Конечно, по поводу скорой помощи не раз отшучивались шутки, прежде всего с его стороны.

Хорошо помнится быт экспедиции. Мы жили в общежитии лесного техникума, который окончил один из первых советских космонавтов Николаев. Вечерами после «работы в поле» мы сами готовили себе еду. В комнате у Хорева Б.С., фактического научного руководителя экспедиции, стоял огромный титан для кипячения воды, и Борис Сергеевич стал инициатором и ответственным по отвариванию картошки в этом титане. А мы, как правило, к картошке жарили в кухне общежития на нескольких сковородах всевозможные благородные грибы, которые успевали набрать после работы в окрестных лесах. Несмотря на наши грибные набеги, количество грибов в лесах не оскудевало.

Нередко после ужина и подведения итогов прошедшего дня мы выставляли столы из своих комнат в общий коридор на втором этаже и продолжали ужин уже под сопровождение шуток и песен. Заводилами по части пения здесь были Александр Первушин и всеобщая наша любимица и воспитательница студентов Раечка Ротова.

Жители Марпосада иногда зазывали нас к себе домой, угощали жареными карасями в сметане или пирогами с яблоками. Не один раз обследуемые нами марпосадцы (но чаще - кто-то из наших официальных местных опекунов) устраивали для нас катание на лодке по Волге и ловлю рыбы. Один раз организовали на острове, обтекаемом Волгой, напротив Мариинского Посада пикник со стерляжьей ухой. Уху варили тройную, в знаменитом котле, из которого хлебал уху их соотечественник космонавт Андрей Николаев, любивший регулярно приезжать в родные места. Теперь из этого «котелка» нас потчевали, как именитых гостей.

Наша работа в экспедиции и все общение со старшими участниками экспедиции и с Дмитрием Игнатьевичем показались нам очень интересными и запомнились как светлое событие студенческой жизни. Когда мы вернулись в Москву и узнали о формировании на факультете первой демографической группы, мы все подали заявления о желании специализироваться по этой проблематике - обучаться во вновь сформированной группе.

Вспоминая сейчас учебу в нашей группе, нельзя удержаться от слов глубокой благодарности Дмитрию Игнатьевичу Валентею и всему коллективу лаборатории и кафедры, которые вкладывали в нас душу и передавали свои знания. Обучение студентов тогда велось только с помощью лекций и семинаров, потому что учебников и необходимых книг было очень мало, если не сказать, что их практически тогда еще не было. Лекции для нас кроме преподавателей кафедры народонаселения нашего факультета читали такие известные ученые, как Э.Валкович (Венгрия), Б.Я.Смулевич, М.С.Бедный, А.Г.Волков, Л.Е.Дарский, которых зав. кафедрой Валентей приглашал со стороны. Все было подчинено тому, чтобы мы узнали самые последние научные достижения в области демографии. Только сейчас мы можем до конца оценить огромные усилия для организации учебы на таком высоком уровне.

Важной частью обучения были не только лекции. Мы активно участвовали в работе методологического семинара Центра

народонаселения и помним интереснейшие доклады самого Дмитрия Игнатьевича и других ведущих сотрудников, посвященные самым острым вопросам развития народонаселения и демографической политики в нашей стране. Студентов приглашали на все конференции, которые организовывались Центром народонаселения. Огромное влияние на формирование наших взглядов и профессионального уровня оказало участие в заседаниях Демографической секции Дома ученых, которые возглавлялись Б.Ц.Урланисом, заместителем его тогда был Д.И.Валентей.

Уровень подготовки студентов нашей группы был достаточно высок, а потребность в таких специальностях была велика, так что с распределением нас на работу не было проблем. Почти все мы начали работу в крупных научных центрах, государственных учреждениях Москвы и других регионов.

Традиции не только всесторонней теоретической, но и практической подготовки студентов в Центре народонаселения сохранялись и развивались. Мы сами внесли свой вклад в подготовку новых поколений демографов, читая лекции и проводя студенческую практику. Однажды Д.И.Валентей был организатором студенческой практики в г. Малоярославце (небольшом городе Калужской области), где у их семьи был дом. В проведении этой практики мы участвовали под руководством Г.Е.Ананьевой. Д.И.Валентей хорошо знал этот район, и благодаря его огромному авторитету администрация города оказывала всемерную поддержку нашей практике. Это помогло студентам и сотрудникам познакомиться с различными социальными и демографическими аспектами развития города: - здравоохранением, образованием, миграцией. Городу также была от нашей практики немалая польза, так как результаты нашей работы были оформлены в обстоятельный отчет о социально-демографическом развитии города.

Такая студенческая практика как метод подготовки специалистов была очень полезной. Кроме обследования малых городов России практика проводилась в некоторых странах бывшего социалистического лагеря (в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии). Студенты знакомились с организацией работы по информации о населении, о проведении демографической политики и разных аспектах социальной политики в этих странах, встречались со специалистами и преподавателями в области демографии. Руководителями этих студенческих групп были

преподаватели кафедры народонаселения или ведущие научные сотрудники лаборатории народонаселения. Участвовать в такой практике стремились многие студенты, для которых тогда были закрыты иные каналы посещения других стран. Д.И.Валентей был не только редким ученым и организатором, но и подготовил целую плеяду ученых-демографов, которые внесли свой вклад в развитие наук о народонаселении, продолжив славные традиции Центра народонаселения.

Мукомель В.И.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ПРАКТИКА

1967 год, кафедра только создается, и мы – ее первые ученики. Первым - проще, какие к ним претензии. Но первым - и сложнее: на них оттачивают методики, мастерство, амбиции, в конце концов.

Итак, Чувашия - первая практика для нас, вчерашних первокурсников, подозреваю, - и для наших преподавателей. Цель означенной практики – социологическое обследование репродуктивного поведения жителей республики. Обследование было прекрасно для того времени и тех условий подготовлено. Пиар был еще тот: Дмитрий Игнатьевич (Д.И.), как проклятый, мотался по городам и весям, встречаясь с руководством, давая интервью, выступая по телевидению. Причем метался Д.И. не абы как, а на пикапе «скорой помощи» с огромным красным крестом на борту – единственной машине, которая была свободна и выделена Валентею свыше.

Кажется, последняя собака в республике знала о целях обследования, но их интерпретация - поражала. Одна бабуля на вопрос, понимает ли она, для чего проводится обследование, четко ответила: «У кого мало детей, тем будут конголят раздавать». (Обследование проходило спустя пару лет после гражданской войны в Конго. Недавно убили Патриса Лумумбу, имя которого, как и Мобуту, не звучало разве только из утюга).

Работали мы в Канаше и Мариинском Посаде – двух небольших городах Чувашии. Когда приехали в Марпосад, всех нас

поселили в общежитии лесотехнического техникума, приметном двумя вещами. Во-первых, в нем учился Андриан Николаев – самый именитый чуваш тех лет, космонавт № 3. Во-вторых, это был старейший техникум. Зданию, куда нас определили, было около сотни лет. Сие обстоятельство стало определяющим в моей истории.

Дело в том, что накануне нашего приезда в этом двухэтажном здании случился пожар. Горело в подвале, запах дыма давал о себе знать еще и тогда, когда мы вселились. Но главное: все клопы, которых кормили на протяжении минувшей сотни лет студенты и прочий люд, оживились и полезли из подвала наверх. Сначала мы как-то не обратили особого внимания на них – ну, бывает. (Я, до того не видевший в жизни ни одного клопа, вообще ничего не понял). Что было с лихвой компенсировано последующим.

Нас было пятеро студентов в комнате, включая местного чуваша, уверявшего, что его клопы не кусают. Когда мы, избалованные варяги, поворочавшись, ночью включили свет, то убедились в правоте слов нашего действительно безмятежно спавшего соседа. Мы были потрясены полчищами клопов. Действовали они по всем правилам военной науки, атакуя отовсюду. Как показали последующие ночи, не была для них препятствием и вода, в которую мы стали ставить ножки кроватей. (По приезду в Москву я не поленился и вычитал, что клопы могут жить без пищи сотни лет, активизируясь, когда для них появляется пропитание. Дождались они тогда и нас). Окончательно сбросив сон и прислушавшись, мы осознали, что в таком бедственном состоянии мы не одни: все здание (в нем были только участники обследования) – гудит. Не спал никто.

Студенты, особенно девчонки, были в некоем трансе. Наши преподаватели пытались нас успокоить, перевести все в шутку. До сих пор слышу рокот Д.И., рассказывавшего весьма вольные анекдоты, и поддакивавших ему А.Первушина и Э.Бурнашева. Потом, к нашему удивлению, они сгруппировались в некоторых комнатах, откуда всю ночь раздавались смех, рокот, бурные обсуждения.

На утро все прояснилось. Пока мы занимались бесплодными попытками борьбы с нашествием, наши преподаватели подошли к ситуации предельно творчески: во всю

стену – этак метра на три – красовалась стенгазета под названием, сколько помнится, «Клоповник». Это было что-то феерическое: бессонная ночь явно стимулировала именно сатирическую направленность их творчества, лишь изредка сдобренную юмором. Такой злой и одновременно смешной и веселой стенгазеты видеть до этого мне не приходилось. И это для нас, молодых, был наглядный урок преодоления нестандартных обстоятельств.

Весело было и потом. Мы, разделившись на две группы, поочередно переехали в Чебоксары. Когда встретились в Чебоксарах, то вся наша команда (по крайней мере, помнится, студенты) прошла через одну очистительную ванную. И, конечно, наш юмор не имел границ.

Запомнилось, как в Марпосаде нас однажды перевезли на другой берег Волги. Там Эльгизар Юсупович Бурнашев вместе с нашими местными опекунами, которые в основном ловили рыбу, готовил уху из стерляди в огромном почти столитровом казане, знаменитом тем, что из него едал Андриан Николаев. И прекрасно пела Раечка. А Б.С.Хорев все подтрунивал: «Замечательный человек Раиса Сергеевна, но уж слишком много поет».

Если говорить и об общем духе экспедиции и об отдельных деталях, то, как я сегодня понимаю, все наши преподаватели (каждый из них был в полтора раза моложе меня сегодняшнего) – жили, работали, радовались жизни, будучи единой командой. И это – главное. Эта команда весело и тактично обучала нас не только науке, но и существованию в повседневностях. В те годы удивляло нас многое. Например, в Чебоксарах на пляже, продавали водку в разлив (в июле-то!), и расслабленные отдыхающие валялись повсеместно. Отдыхали они и в замусоренных зарослях травы вокруг центральной гостиницы. Такого обилия «утомленных» пляжем (и тем, что продавалось на пляже) я не видал больше никогда и нигде.

Эта команда, учившая нас учиться, взаимодействовать, преодолевать трудности, удивляться и радоваться жизни, была создана, вдохновлена и реализовалась благодаря Дмитрию Игнатьевичу. Для нас члены Валентеевской команды навсегда останутся Раечкой (Ротовой), Гюльджан (Бахметовой), Валентиной Михайловной (Моисеенко), Александром Яковлевичем (Квашей), Борисом Сергеевичем (Хоревым). И низкий поклон Вам всем, наши Учителя. И Дмитрию Игнатьевичу - в первую очередь.

Калмыкова Н.М.

ПРИ Д.И. КАФЕДРА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ СТАЛА ДОМОМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

В моей жизни было два Университетских Преподавателя, которые, как я сейчас начинаю понимать, во многом определили мои жизненные планы и место работы. Во-первых, это моя внучатая тетушка, проработавшая на филологическом факультете МГУ более 50 лет, доцент Натан Лидия Николаевна. Часы, проведенные в компании ее учеников и коллег, заставили меня думать об Университете с большой буквы, и уже не было особых сомнений - куда поступать.

Дмитрий Игнатьевич Валентей (как его называли за глаза – Д.И.) оказался вторым таким Человеком Университета, благодаря которому была задана довольно высокая труднодостижимая планка в общении со студентами. Я отдаю себе отчет в том, что Д.И. для всех, знавших его учеников и коллег, представал в разном свете, с разных сторон. И мои впечатления не всегда совпадали с впечатлениями более старшего поколения - это вполне естественно.

Мне пришлось впервые с ним столкнуться на первом курсе, и от этого сентября 1982 года осталось несколько фрагментарных кусочков.

Собеседование в 106 группу демографии. Строгий профессор, которого мы все ужасно боялись, задает вопросы, смысл которых ускользает, но нужно отвечать хорошо, чтобы взяли... Правда, не совсем понятно, куда.

Наш одногруппник Андрей Блохин заходил к Валентею с каким-то незначительным вопросом. Вернулся с круглыми от удивления глазами – Д.И. не только разговаривал с ним почти полчаса, но и предложил кофе и даже сигарету! До сих пор у нас в группе этот момент вспоминают, и до сих пор он вызывает смесь эмоций от удивления до восхищения. В этом был весь Д.И. - заинтересовать студента, показать ему, что на кафедре он - у себя дома. К сожалению, для университета такое отношение к студентам все еще большая редкость.

Еще одна короткая история в то время представлялась нам

катастрофой с красивым концом. Д.И. дал Лене Мироновой для доклада редкую по тем временам (да и сегодня тоже) книжку на английском, что-то про Мальтуса и Маркса. Книга эта в пакете с физкультурной формой была забыта на подоконнике пятого этажа и бесследно пропала! Как же мы боялись об этом сказать! Когда, наконец, решились, реакция Д.И. была удивительной: конечно, было сожаление, но и понимание того, что книгу не вернуть, отчитывать за это - бесполезно... В общем, нормальная реакция нормального человека, но все равно запомнилась. Мы, будучи первокурсниками, ценили такое отношение и чувствовали, что нам повезло общаться с настоящим Профессором университета.

Следующий «кусочек» из прошлого - почти пять лет спустя. Д.И. сломал ногу прямо накануне начала зимнего семестра. И после его звонка у меня поменялся весь привычный распорядок жизни: вместо очной аспирантуры – заочная, вместо спокойной работы над диссертацией - чтение его спецкурса в одной из самых сильных наших групп. Одновременно пришлось выполнять обязанности заместителя заведующего кафедрой по учебе. В общем, постоянный стресс. Но поразило меня другое - Д.И. сразу перешел в разговорах «на Вы» и по имени-отчеству. Сначала это огорчало и даже немного обижало, но потом стало понятно, что таким образом он пытается придать мне уверенности в моих собственных глазах (а не только для окружающих) - иначе со всей новой работой невозможно было справиться. Почему-то у нас постепенно забываются такие традиции - преподаватели начинают тыкать студентам и даже аспирантам, обращаться к ним по фамилии. В свое время Дмитрий Игнатьевич и сам показывал нам пример общения со студентами и ждал того же от нас. До сих пор ловлю себя на мысли, что мне очень трудно переходить «на ты» даже с теми студентами и коллегами, которые постепенно становятся друзьями.

Вообще с Валентеем связано для меня много жизненных уроков, о которых не всегда хочется и следует говорить: он хорошо чувствовал людей и находил именно те слова, которые были нужны в каждый конкретный момент, причем умел не только хвалить, но и ругать. Он знал по имени всех студентов, моих родителей регулярно поздравлял с Новым годом. Уже лежа в больнице, справлялся о здоровье коллег по кафедре и настаивал на том, чтобы мы заботливо к ним относились.

Несколько слов хочется сказать о том, что произошло

«после Валентея». Многие его мечты и планы воплотились в жизнь – именно он впервые стал говорить о специализации по демографии в новых условиях, фактически начал работу по созданию магистерской программы по демографии. Он бы порадовался новым учебникам и пособиям, успешной работе нашей магистерской программы. Но мне кажется, что некоторые изменения, которые произошли у нас за последние 10 лет, не очень бы его порадовали: мы, на мой взгляд, постепенно теряем единство Лаборатории и кафедры, которого он добивался, становимся более разобщенными, и это не может не огорчать. Та взаимосвязь науки и преподавания, которая реализовалась Валентеем в работе нашего Центра и о которой в последние годы стали многие говорить, все больше и больше предстает, как назревшая необходимость. И хочется надеяться, что мы преодолеем это деление на кафедру и Лабораторию и будем совместными усилиями и в соответствии с современными требованиями, учить и воспитывать будущие поколения студентов.

Калабихина И.Е.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН?

Мне довольно затруднительно говорить об истории возникновения Валентеевской школы, об истории ее расцвета в советский период – это сделают гораздо лучше мои старшие коллеги по кафедре и лаборатории Центра по изучению проблем народонаселения. Мои воспоминания о последних годах жизни Д.И.Валентея, совпавших с кардинальными переменами, в том числе и в области университетского демографического образования, связаны с воспоминаниями о моем поколении, попавшем в жернова истории, - о выпуске 1991 года.

Скажу несколько слов о нашем выпуске. Это был первый выпуск, когда в учебных планах отменили «военку» (военную кафедру), как обязательную дисциплину для всех, кроме уже служивших студентов, если они не желали быть офицерами.

Это был первый выпуск, когда на государственных выпускных экзаменах вместо усвоенного нами за годы учебы

«Капитала» К.Маркса нас спрашивали о разных школах и направлениях современной экономической мысли; когда весьма длинный список экзаменационных вопросов состоял по большей части не из проблемных или тематических блоков, а из монографий по экономике, «открываемых» нами вместе с нашими передовыми преподавателями в те переломные годы, часто накануне экзамена. Это и понятно, ведь для формирования современных программ экономического образования по передовым западным образцам понадобились годы ознакомления, стажировок, апробаций. И открытый поток новой экономической литературы в те годы осваивался студентами вместе с преподавателями.

Это был один из первых выпусков, когда после торжественного получения диплома экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова дипломированным специалистам не предлагалось распределение на работу, и каждый отправился в свободное плавание по волнам зарождающейся рыночной экономики. В университете, например, со всего курса (более 200 человек) остались работать на полную ставку только два человека, еще несколько человек (всего менее 20 человек) ушли в другие исследовательские или учебные заведения и госструктуры. Основная масса выпускников 1991 года (около 60%) шла работать в многочисленные финансовые структуры, в банки и в «банчонки», в аудиторские конторы, т.е. пополняли ряды бухгалтеров, брокеров, финансовых консультантов всех мастей. 30% студентов нашего курса открыли свой бизнес и с переменным успехом на протяжении 1990-х годов существовали на предпринимательском поприще, то взмывая вверх в социальном и финансовом плане, то переживая крах своих предприятий и проектов. Почти все иногородние студенты остались в Москве и вынуждены были зарабатывать не только на хлеб насущный, но и на крышу над головой.

К 2005 году, вероятно, можно подвести некоторый промежуточный итог деятельности нашего по неволе звездного поколения, получившего лучшее в стране экономическое образование в момент ломки старых экономических структур, институтов и отношений и оказавшегося у истоков зарождения новых финансовых, экономических, консультационных институтов, и потому, сделавших головокружительные карьеры. История жизни моих сокурсников заслуживает внимания. Взлеты и падения, о которых я вскользь упоминала, во-первых, были значительными и

часто сопряженными с развитием или уничтожением крупных рыночных агентов и структур. Во-вторых, все это начинало происходить с 22-25-летними людьми (в самом начале 1990-х годов), когда падение со значительной высоты грозит невозвращением к реальной жизни, и некоторых из нас уже нет в живых...

Но эти воспоминания посвящены не моему поколению (тем более, что его жизнь еще только начинается, и не время делать окончательные выводы), а нашему участию в истории Центра по изучению проблем народонаселения, точнее - в один из самых непростых моментов и в истории демографической науки.

С момента создания на экономическом факультете МГУ самостоятельной специализации по демографии вплоть до 1983г., (т.е. 16 лет) студенты-демографы обучались на отделении политической экономии. С 1984г. специализация по демографии была переведена на отделение планирования народного хозяйства, что ослабило языковую, но усилило математическую подготовку студентов.

Зная рейтинги отделений на экономическом факультете МГУ того времени, можно говорить о некотором ухудшении позиций демографической школы. Но, на мой взгляд, перевод демографической специализации на планирование одновременно стал и благом с точки зрения усиления математической подготовки студентов и, следовательно, будущих возможностей вписаться в современную демографическую науку, имеющую в своем распоряжении сильный математический аппарат.

Снижение позиций демографической школы проявлялось не столько в механической смене базового отделения, сколько в престижности, в популярности демографической специализации. Если до нашего набора на демографическую специализацию попасть было довольно непросто: нужно было проходить собеседование, на котором необходимо было доказать свой интерес к этой специализации, то наш набор (около 50 человек на «плане») без собеседования и даже без опроса наших предпочтений поделили пополам – на демографическую группу и собственно группу планирования. Критерий отбора, как нам показалось, был связан с местом проживания – москвичей чаще «отправляли» на демографию по причине большей сложности распределения по демографической специализации в регионах.

В принципе, нас лишили полноценного права выбора, хотя теоретически можно было писать заявления с просьбой о переводе. Но представим себе ситуацию: юных студентов первого курса, не обладающих очень большой смелостью (особенно в советский период), не имеющих полной информации о способах перевода и последствиях, не очень хорошо представляющих себе, что такое демография (многие поступали именно на отделение планирования, не углубляясь с первых дней в особенности специализаций). Вспоминаю, что для многих это было определенным шоком. Но большинство из нас с инертностью или даже с интересом приняли решение остаться на данной специализации.

Последняя группа специализации была набрана в 1989 году. Но полноценно программу специализации советского образца последними все-таки прошли студенты, обучавшиеся на ней в 1986-1991 гг. В качестве аргументов приведу некоторые наблюдения. В начале 1990-х годов стали уходить из сферы активной деятельности, из жизни некоторые ведущие учителя нашей специализации, и, конечно, главный вдохновитель и организатор демографической школы в МГУ – профессор Д.И. Валентей. Еще значимый пример для советской действительности: традиционные зарубежные групповые стажировки студентов закончились на нашем выпуске.

А в 1991 году уже была открыта магистратура экономического факультета МГУ (состоялся переход к двухступенчатой системе образования), при которой специализация по демографии была включена в одну из магистерских программ. Магистерские группы специализации уже были значительно меньше, в частности, с момента возникновения института магистратуры на нашем факультете группы специализации по демографии состояли, как правило, из 4-5 человек.

Вернусь ко второй половине восьмидесятых годов. По причине относительной малочисленности поколений студентов 1968-1969-х гг. рождения (поступавших в университет в 1986 году) после первого курса у нас призвали в армию практически всех ребят, возвращали их неравномерно – кого-то после одного года службы, кого-то после двух. Никто из ребят, чье обучение было прервано армией, не вернулся на демографическую специализацию. Хотя шанс для этого у них был: как я отмечала, специализацию набирали до 1989 года, как будто «добирая» именно наших ребят, поступивших в 1986 году. Это было связано как с «силовыми»

методами набора, так и с зарождающимся интересом к иным видам деятельности в нашем обществе.

Но костяк группы все же сохранился. И мы были вознаграждены: нам повезло застать «валентеевский» дух, «валентеевский» образец демографической университетской школы.

Д.И.Валентей был стержнем коллектива, человеком большого энтузиазма, эффективным руководителем, несмотря на длительность срока, в течение которого он по советской традиции занимал свой пост. Дмитрий Игнатьевич был прекрасным лектором, Профессором с большой буквы, увлеченным и увлекающим...

Надо заметить, он был весьма демократичным со студентами, был абсолютно открыт к общению, втягивал в орбиту Центра наиболее перспективных студентов, всегда старался быть в курсе студенческих дел.

Вспоминаю, как мы вместе с ним написали письмо известному и близкому ему по научным взглядам французскому демографу А.Сови, продолжая научную дискуссию об оптимуме населения. К сожалению, письмо не дошло до адресата – Альфред Сови умер именно в этот год (1990). Потом не стало и самого Д.И.Валентея...

Я мало пишу о самом Валентее, так как, к великому сожалению, не успела поработать с ним ни в качестве аспирантки, ни в качестве сотрудницы. Студенческие воспоминания, тем не менее, были очень яркими. Высокий статный профессор, прекрасный оратор, погруженный в мировые проблемы народонаселения, гордившийся своей «системой знаний о народонаселении»... Он говорил о проблемах, предлагал интересные темы, и свои пути решения многих проблем. Нам показалось тогда все это чрезвычайно интересным.

Кроме того, создавалось впечатление, что ты находишься в живой творческой среде, где умеют работать и знают, в каком направлении должна развиваться научная мысль, появлялось желание работать именно в этом коллективе. Было ощущение силы, позитивной власти, как сейчас принято говорить, было ощущение команды...

Подбор команды – это тоже заслуга Д.И.Валентея. Нам повезло слушать лекции и присутствовать на семинарских занятиях у очень разных в отношении профессиональных интересов и темпераментов членов этой команды. Хочется назвать здесь имена

людей, оставивших в памяти нашего выпуска яркий след своим присутствием в нашей группе. Это почтенные преподаватели кафедры: эрудированный ученый А.Я. Кваша, интеллигентный и доброжелательный Д.К.Шелестов, резкий и прекрасный профессионал Б.С.Хорев, вальяжный доцент и прекрасный оратор А.П.Судоплатов, пропагандист технического прогресса и формальных демографических расчетов Н.Б. Баркалов, искрометная Г.Ш.Бахметова, толерантная Г.Е.Ананьева, молодой перспективный преподаватель М.Б.Денисенко...Некоторых из них уже нет с нами... Это преимущественно и сотрудники научной лаборатории, привлекавшиеся Д.И.Валентеем к преподавательской деятельности и внесшие свой немалый вклад в наше образование и профессиональное становление в те годы: тонкий политик (в первую очередь, в научном смысле) В.В.Елизаров, серьезный и старательный докторант В.А.Ионцев, энергичная, с хорошим чувством юмора В.М.Моисеенко, Н.В.Зверева - образец честного и трудолюбивого ученого, по-настоящему увлеченная Китаем Е.С.Баженова, носители своей научной парадигмы А.И.Антонов и В.М.Медков, молодой ученый В.Х.Эченикэ, бескомпромиссный критик Н.М.Калмыкова, живая и острая Р.С.Ротова, очень человечная И.В.Дзарасова...

Заранее приношу свои извинения за все эпитеты, которыми я посмела наградить всех этих замечательных людей. Прошу простить, если я не упоминаю кого-то в этой короткой статье, так как я пишу об этих годах (второй половине восьмидесятых) через призму истории моего поколения и наших контактов с преподавателями и сотрудниками. Я говорю о своих впечатлениях того периода, и мое молчание о многих замечательных сотрудниках отнюдь не умаляет значимости не упомянутых мною людей в истории развития Центра. Это лишь штрихи студенческого периода, наиболее остро врезавшиеся в нашу «поколенную» и в мою личную память.

И вот наступили девяностые годы, и то ощущение силы, ощущение творческой среды, ощущение команды сменилось ощущением пустоты... В 1994 г. ушел Дмитрий Игнатьевич... Один за другим уходили от нас, вообще из жизни или только из нашего коллектива, его соратники. Все эти потери усилили эффект от общей экономической разрухи, смены идеологии, развала институтов...

В 1991 году я поступила в аспирантуру на кафедру, но уже тогда вспоминаю вынужденное затишье, растерянность, отсутствие регулярных контактов аспирантов с сотрудниками и между собой. Не буду скрывать критическое материальное положение многих членов кафедры и лаборатории. Наверное, это были худшие годы в истории Центра.

И надо поклониться тем людям, которые сумели сохранить Центр, кафедру в эти очень непростые годы экономического и идеологического упадка, отсутствия притока материальных и людских ресурсов, резких институциональных изменений: В.В.Елизарову, возглавившему и сохранившему Центр после ухода «старой гвардии», В.А.Ионцеву, отдававшему все свое время (в буквальном смысле сутками) жизнедеятельности кафедры, всем сотрудникам Центра (кафедры и лаборатории), оставшимся работать в Центре, сохранившим его.

Начиная со второй половины девяностых годов, в Центре стал формироваться новый климат, климат возрождения или пробуждения. И сегодня можно уже «рапортовать» о многочисленных свидетельствах жизнеспособности Центра. Лаборатория под руководством В.В.Елизарова, сохранив структуру научных секторов, возглавляемых сегодня Н.В.Зверевой, О.С.Чудиновских, А.А.Авдеевым, М.Б.Денисенко, имеет в своем архиве и в своем активе десятки индивидуальных и коллективных договоров, контрактов, проектов, выполненных для российских и международных научных, общественных и правительственных организаций за последние десять лет. Кафедра под руководством В.А.Ионцева разработала международный стандарт демографического образования. Вместе с лабораторией она успешно реализовала проект Темпус, подготовив внушительный пакет новых образовательных программ, который в свою очередь позволил сформировать специализацию в магистратуре (особенно хочется отметить в этом роль Н.М.Калмыковой) Кафедра в начале нового века активно участвовала в проекте совершенствования университетского образования Мирового Банка, создавая новый образовательный пакет. Сотрудники кафедры также активно включены в исследовательские проекты, поддерживают научные диалоги с представителями мировой демографической общественности. За последнее десятилетие вышло впечатляющее количество научных трудов сотрудников Центра (краткую историю

кафедры и Центра можно почитать на сайте кафедры: <http://demostudy.ru/menu.htm>).

Несмотря на горечь утраты (не покидающую моих коллег, знавших Д.И.Валентя) той старой команды и ее Руководителя, все же смею утверждать – они были не последними из могикан. Кем будет наше поколение - лишь летописцами той великой эпохи, мостиком между «старой гвардией» и новым поколением ученых и преподавателей? Или нам удастся внести свой вклад, как в институциональное процветание демографического университетского образования, так и в развитие демографической науки? Это покажет время.

И, несмотря на современную проблему притока новых кадров в научную среду, несмотря на общемировое ослабление интереса молодых ученых к проблемам демографии, я уверена, мы являемся очевидцами нового качества в развитии этой науки – науки избранных и увлеченных. Надеюсь, что час последних могикан еще не наступил, они придут не скоро после нас...

Смидович С.Г.

НЕОБЫЧНАЯ ОБСТАНОВКА ДОВЕРИЯ

Я поступил в Университет в 1967 году. Со второго курса у нас началась специализация. В то время предметы конкретной экономики (например, бухучет), по крайней мере, в МГУ, не пользовались популярностью. На экономическом факультете МГУ на первом месте была политэкономика, выпускали в первую очередь экономистов-преподавателей. Все преподаватели этого предмета должны были состоять в партии, поскольку эта дисциплина считалась идеологической и партийной. Меня чистая политэкономика не заинтересовала, а заинтересовала – демография, и я стал заниматься ее проблемами.

В выборе этой специализации большое значение имело то впечатление, которое на меня произвел Дмитрий Игнатьевич Валентей. Он был тогда достаточно молодым профессором, умным, начитанным, эрудированным, и так сказать с хорошими корнями, в отличие от большинства нашего профессорско-преподавательского

состава. Валентей помимо всего прочего был прекрасным организатором, и когда его не стало, уровень профессорско-преподавательского состава на кафедре понизился.

Дмитрий Игнатъевич участвовал в Великой Отечественной войне, причем занимался особыми проблемами, связанными с передачей секретной информации путем радиообмена. Он часто вспоминал об этом, у него осталось от этой службы много друзей. По кругу его общения было видно, что он знаком со многими интересными людьми. В его доме на улице Дмитрия Ульянова на всех больших праздниках собиралось много народу, а он любил семейные праздники и дни рождения. Мы часто у него собирались, и там всегда было очень интересно. Он не был закрытым академическим ученым, сидевшим в башне из слоновой кости и изобретавшим общую теорию народонаселения. Наоборот, он был весьма интересным и контактным человеком, который умел слушать и рассказывать, в том числе и анекдоты.

Мне кажется, что Дмитрий Игнатъевич был интеллигентом, не в смысле «чистюли», человека, чурающегося физического труда. Он тонко чувствовал происходящие события, но при этом, я бы сказал так, умел не лезть в гущу событий. Руки, по крайней мере, у Валентея были «чистыми». Он очень ответственно и внимательно относился к формированию кафедры Центра по изучению проблем народонаселения. Наложение его интеллигентности на его организаторские способности плюс талант ученого – все это дало неординарные результаты.

Его интеллигентность проявлялась не только в науке, в Университете, но и в быту. Я хорошо помню, когда в 1987 году мы с приятелем поехали в Молдавию (так получилось) прямо из Малоярославца, где у Дмитрия Игнатъевича была дача. Причем, это был не современный коттедж, а настоящая дача с большим садом и, как мне показалось, с большим деревянным домом. Там всегда присутствовала куча их разных родственников. Нас на даче очень хорошо приняли. Несколько часов мы провели там с моим приятелем Володей Кокуриным. Кстати, приятель всего один раз видевший Дмитрия Игнатъевича, потом все время вспоминал, какое сильное впечатление на него произвел Валентей. Перед отъездом мы пошли вместе в сад, набрали там слив и долго дорогой вспоминали о замечательном хозяине малоярославского «имения».

Несомненно, сильное влияние на обстановку в их семье

оказывала и Мария Алексеевна. Она тоже из старой московской семьи, из семьи Мейерхольда (по материнской линии). Я довольно часто общался с ней по разным вопросам. Она была хорошим педагогом, с неординарным подходом, впоследствии возглавила дом-музей Мейерхольда, который находился недалеко от здания мэрии в Брюсовом переулке.

Мария Алексеевна также отличалась активной позицией и контактностью. У нее был обширный круг знакомых, в том числе известных деятелей культуры. На ее похороны в 2003 году в квартиру-музей Мейерхольда пришло очень много людей, среди них режиссеры Фокин, Любимов и др. Дмитрий Игнатьевич и Мария Алексеевна представляли собой интересный «сплав» двух незаурядных людей. Они были центром притяжения не только для знакомых и родных, в первую очередь, своих детей, но и для их товарищей по Университету. Волею судьбы я переехал в дом напротив Валентеев, так что мы стали соседями, и, естественно, нередко бывал у них. Могу сказать, что, когда бы я к ним не заходил, от них либо кто-то в это время уходил, либо кто-то должен был прийти.

Я сначала закончил факультет, потом два года отслужил в армии. Дмитрий Игнатьевич помнил обо мне и после моего лейтенантства в Горьком (теперешнем Нижнем Новгороде) принял меня в аспирантуру на свою кафедру. После аспирантуры я остался работать в лаборатории народонаселения в секторе расселения населения под руководством Хорева Б.С. Так что практически всю первую часть своей профессиональной жизни я посвятил Московскому университету.

Дмитрий Игнатьевич как руководитель умел спрашивать достаточно строго, но умел и прощать, потому что в работе бывали разные ситуации. Мне приходилось много ездить на различные конференции по миграции, по другим демографическим проблемам, и я объездил почти весь бывший Советский Союз. Я помню один случай, когда в моем командировочном отчете для бухгалтерии была поставлена подпись за отсутствующего Дмитрия Игнатьевича. Дмитрий Игнатьевич устроил страшную выволочку, хотя, конечно, Валентей понимал, что мир в результате этого проступка не рухнет, но он говорил довольно жестко. Думаю, что Володя Эченикэ, бывший тогда помощником Валентея, тоже помнит об этой ситуации.

На кафедре царила по-настоящему творческая обстановка. Создание Центра по изучению проблем народонаселения являлось абсолютно новым для нашей страны делом. Форма объединения научно-исследовательской лаборатории и кафедры, их взаимодействия нам часто были неясны. В Центре формировалась хорошая библиотека, но главное – объединилась группа людей-единомышленников независимо от возраста, среди которых и такие коллеги постарше, как сам Валентей, Кваша, Хорев и другие. Читались интересные спецкурсы по самым разнообразным дисциплинам, например, по семейному праву, социальной гигиене, который читал Бедный. Из нас не готовили демографов-статистиков. Мы должны были разбираться в проблемах народонаселения всесторонне. Я специализировался по миграции и, кстати сказать, довольно легко и без особых мук защитился. Моя диссертация посвящалась типологии городов Центрально-Черноземной зоны с использованием факторного анализа и для 1977 года представляла собой новое направление. В ходе ее написания я собрал очень большой материал. Дмитрий Игнатъевич всегда поощрял новаторские темы, и сразу же, без колебаний (он был тогда председателем диссертационного совета) поставил мою диссертацию на защиту. К сожалению, с докторской диссертацией мне повезло меньше, хотя тоже все шло нормально. Но в тот период (1991-1992 гг.) стал рушиться Советский Союз, так что моя диссертация по миграционной политике в СССР потеряла свою актуальность.

Сейчас с позиции нашего опыта видно, что не так уж много заведующих кафедрами внимательно читают кандидатские диссертации. А вот Дмитрий Игнатъевич прочел всю мою диссертацию, сделал пометки на полях и лично проговорил со мной свои замечания.

Безусловно, Дмитрий Игнатъевич представлял научную элиту, поэтому он создал на кафедре и в лаборатории необычную обстановку доверия при очень высокой интеллектуальной планке. Это отразилось и на выпускниках кафедры. Из наших первых выпусков вышли Елизаров В.В., который работает руководителем Центра народонаселения. Позднее закончил факультет Ионцев В.А. (в настоящее время зав. кафедрой). Ряд окончивших нашу специализацию стали докторами наук и возглавляют новые научные направления (например, Зверева Н.В., Саградов А.А.). Созданный в

Центре научный и кадровый задел, к счастью, разрушить до конца не удалось, несмотря на то, что деньги у нас и в наше время уничтожают почти что все. Но я надеюсь, что им все-таки не удастся до конца разрушить то, что создал Дмитрий Игнатьевич.

Валентей оставил глубокий след в моей жизни. Когда я вспоминаю людей, с которыми меня столкнула жизнь и с которыми мне пришлось вместе работать и просто общаться, Дмитрия Игнатьевича я могу поставить на первое место. Люди такого уровня и такого масштаба личности рождаются очень редко, и они остаются в истории. Я верю, что Дмитрий Игнатьевич будет жить и в своих учениках и в своих детях.

Гришанова Е.Г.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К НАРОДОНАСЕЛЕНИЮ В ЖИЗНИ САМОГО ВАЛЕНТЕЯ

Что такое – «хорошо», и что такое – «плохо» - вопрос извечный. Ответ на него очень многое определяет в жизни и отдельного человека, и всего человечества. При этом остается загадкой, почему те выдающиеся личности, которые в той или иной сфере науки (в частности – в изучении демографического поведения) находили в своих теоретических изысканиях правильный ответ, как правило, в своей личной жизни - его не использовали. Наиболее общеизвестным примером этого феномена «думаю - и делаю с точностью до наоборот» можно назвать Платона. Менее известным примером современного опровержения этого феномена является, на мой взгляд, Дмитрий Игнатьевич Валентей. Он был тем редким ученым, который старался воплотить своим собственным демографическим поведением свои же теоретические взгляды на концепцию развития народонаселения и предлагал другим людям только то, что и сам осуществлял в своей личной жизни.

Осмелюсь утверждать, что всякий, кто был вхож в его гостеприимный дом, может подтвердить, что «комплексное» решение проблем демографического развития здесь было налицо. Не буду говорить за других, и расскажу только о своих

впечатлениях. Самое первое и яркое воспоминание осталось от рабочего кабинета профессора. Оказавшись в небольшой комнате, в окружении книжных полок, достигающих до потолка, испытываю прилив невероятной теплоты и нежности. Почему это происходит, в первый момент не могу понять, ведь книги – столь привычное обрамление места работы для любого ученого. Еще раз обвожу взглядом всю комнату. И тут все проясняется... Причина – в письменном столе, вернее - в его ближайшем окружении. Над рабочим столом ученого – любительская фотография военных лет. На ней – женщина с красивым и волевым лицом, с папиросой – мать Валентя. В его кабинете на видном месте – маленькая зеленая ваза, но она не для цветов... Она – ночная, малышка, внука Дмитрия Игнатьевича - Кирилла. Не правда ли, редкий ученый, включая и мужчину- демографа, может похвастаться, что, отдавая себя в первую очередь работе, он находит время и силы реализовывать свое теоретическое наследие в собственной «демографической» практике. Многие мелочи в кабинете основоположника комплексного подхода к народонаселению в нашей стране как бы демонстрируют необходимость безотлагательного решения современных демографических проблем России. В этом была характерная для Дмитрия Игнатьевича конструктивность личной позиции по реализации демографической политики.

Кто-нибудь может возразить, что данный пример еще ни о чем «таком особенно демографическом» и не говорит. Мол, просто, Дмитрий Игнатьевич был очень занятым человеком, вот и приходилось ему «поневоле» заниматься непосредственным «демографическим» совместительством на своем рабочем месте. Но у меня есть и другой пример. Зима, крещенские морозы, сижу со своим грудничком в декретном отпуске дома, в Ясенево. На улицу не выхожу даже встречать старшего сына из начальной школы. Резкий звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит трехлетний малыш, с заботливо прикрытым носовым платком носиком - чтобы не простудился. Сзади малыша стоит Дмитрий Игнатьевич. Его рот окружен сосульками, свисающими с усов, покрытых инеем. От оцепенения не могу вымолвить ни слова. А Дмитрий Игнатьевич произносит: «Горячего кофе не найдется?». И таких примеров могу привести еще бесконечное множество...

Вновь кто-нибудь возразит – какая трогательно-сусальная картинка нарисована выше. Но у меня есть и на это ответ. Дмитрий

Игнатъевич был, как это теперь принято говорить, вполне «нормальным» человеком, в том числе и по своему демографическому поведению. Но на деле, в своих поступках Дмитрий Игнатъевич, без сомнения, относился к своим близким очень заботливо, «сусально», хотя на словах он не соглашался с такой оценкой ни своего демографического поведения, ни поведения своих детей. Помню, ощутила нечто вроде шока, когда в одном из сборников, вышедших на заре нашей «перестроечной» жизни 1980-х годов – «Демографическом диагнозе», прочла статью Дмитрия Игнатъевича, где он критиковал демографическое поведение своих сыновей. Но при этом более нежного и уважительного отношения к сыновьям, чем у Дмитрия Игнатъевича, пожалуй, не встречала. Поэтому всегда буду его помнить как человека, воплотившего «комплексный подход в науке о народонаселении» не только в своей научной, но и в личной жизни.

В моей личной и профессиональной жизни Валентей сыграл не просто очень большую роль - он был для меня ангелом-хранителем. Дмитрий Игнатъевич помогал мне словом, когда, например, мудро разъяснял непонятные особенности и моего демографического поведения, и поведения близких мне людей. Он помогал мне и делом. Так, он уговорил меня поступить не в заочную, как я хотела, а в очную аспирантуру, чтобы я стала более подготовленным специалистом-демографом. А несколько лет спустя он не позволил уволить меня по чисто демографической причине (я скрывала свое замужество!). Поэтому я себя считаю не только выпускницей первой группы специалистов-демографов на экономическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, но и – вечной должницей Дмитрия Игнатъевича Валентей. И я стараюсь следовать его примеру на протяжении уже 35 лет. Я очень благодарна ему за преподанный им самим и всегда актуальный для нас образец демографического поведения.

Ротова Р.С.

РУКОВОДИТЕЛЬ, КОЛЛЕГА И ТОВАРИЩ

Интерес к изучению народонаселения послужил для меня поворотным моментом в моей жизни. У истоков этого поворота стоял Дмитрий Игнатьевич Валентей. Именно он взял меня к себе в аспирантуру, а затем в созданную им проблемную лабораторию народонаселения на экономическом факультете МГУ, который я когда-то окончила. Это и определило всю мою дальнейшую жизнь. С Дмитрием Игнатьевичем я познакомилась, когда работала редактором в издательстве «Высшая школа» и готовила к изданию его книгу «Проблемы народонаселения».

После выхода его книги в 1961 г. и защиты им докторской диссертации, Дмитрию Игнатьевичу под проблематику по народонаселению выделили несколько аспирантских мест при кафедре политической экономии в Институте иностранных языков (в настоящее время Московский государственный лингвистический университет), где работал Валентей, и он предложил мне поступить в эту аспирантуру.

Я тогда отказалась, потому что мне нравилась редакторская работа, главное же – у нас был очень дружный и веселый коллектив (редакторы были выпускниками экономического, исторического и философского факультетов МГУ), и я не помышляла его покидать. Но вскоре обстоятельства сложились так, что наша редакция решила целиком уйти из издательства. Дмитрий Игнатьевич опять предложил мне пойти к нему в аспирантуру, я снова отказалась, объясняя это тем, что меня тогда увлекла тематика об уровне жизни, по которой я недавно отредактировала книгу. На это Валентей без особого нажима и даже будто невзначай сказал, что изучение уровня жизни можно совместить с проблемами народонаселения. Такое приглашение меня уже устроило, и это решило мою дальнейшую судьбу.

Я стала аспиранткой и шагнула с редакторского пути на стезю науки (не это ли пример влияния абстрактно-теоретического комплексного подхода к изучению народонаселения на реальную жизнь и судьбы людей). Главную роль в моем решении тогда сыграло не только, ЧТО сказал Валентей, но и КАК – без нажима,

не давая на мою психику.

Дмитрий Игнатьевич был заботливым и дотошным научным руководителем. Он сообщал мне обо всех научных обсуждениях вопросов народонаселения и этим помогал быстрее вникнуть в населенческую тематику, выбрать тему для кандидатской диссертации. В начале 60-х годов самыми активными исследователями населения были географы, а одной из самых острых проблем выступали малые города. Эти города и стали объектом моей диссертации.

При подготовке к сдаче кандидатского минимума Валентей всячески подстраховывал своих аспирантов. Так, например, он привлек другую свою аспирантку – выпускницу немецкого факультета Иняза, чтобы та проверила мои знания по немецкому языку. Он успокоился только после того, как узнал, что мой немецкий даже для института иностранных языков можно оценить не ниже, чем на «хорошо». Он интересовался, есть ли у его аспирантов нужные материалы и программы по философии и политической экономии.

Чтобы лучше почувствовать реальную, а не академическую, в сухих цифрах жизнь малых городов, Д.И. договорился с руководством города Малоярославца Калужской области (где его теща Татьяна Всеволодовна Воробьева-Мейерхольд имела свой дом), чтобы мне разрешили провести пробный опрос населения этого малого города.

Валентей наши аспирантские занятия не пускал на самотек. Каждую неделю находил повод, чтобы по телефону узнать о делах своих аспирантов, что-то обсудить или сообщить какую-нибудь информацию для темы их диссертации. Получалось, что Д.И., например, в ходе наших обсуждений не только меня подтягивал до научного подхода к малым городам, но и сам для себя что-то больше уяснял в этой проблеме.

Постоянная забота и большая ответственность за то дело, которым он занимался в данный момент, наиболее полно проявились, когда Валентей стал в 1965 г. руководителем проблемной лаборатории по изучению народонаселения, а затем зав. кафедрой и научным руководителем Центра народонаселения на экономическом факультете МГУ.

Организуя координационные совещания, конференции, школы-семинары, подготовку какой-нибудь монографии к изданию

и т.д., он подбирал из числа наших сотрудников тех, кто отвечал за отдельные участки работы. Его беспокойство за дело «придавало ускорение» слишком долго раскачивающимся. Кто хорошо знал Д.И., понимал, что шеф все равно его «достанет» и лучше сразу приступить к выполнению поручения. Порой у людей возникало даже раздражение от излишней опеки Валентея.

Он не упускал случая похвалить своих коллег или учеников за их удачу. Похвала была, как правило, лаконичной. Например, «Ваша глава в такой-то коллективной монографии (если он готовил книгу под своей редакцией) одна из лучших», или «На Вашу такую-то публикацию ссылается в своем автореферате такой-то аспирант». И он сам радовался успеху своего ученика или коллеги.

В первые же годы работы с ним в лаборатории сотрудники заметили и другие его человеческие качества. Летом 1967 г. наш молодой коллектив, включая некоторых первокурсников экономфака, отправился в экспедицию в малые города Чувашии и Горьковской области для проведения опроса женщин по рождаемости и сбора другого материала. Руководил экспедицией Б.С.Хорев, с нами на полторы-две недели поехал и Валентей. Нас поселили в общежитии районного техникума Мариинского Посада в Чувашии. Иногда вечерами после работы мы выставляли из своих комнат столы и стулья в длинный общий коридор и устраивали застолья, где не столько ели и пили, сколько пели и смеялись. И всегда с нами как равный, а не как главный сидел Дмитрий Игнатьевич.

Тогда же некоторые из участниц экспедиции обратили внимание на то, что профессор Валентей чаще, чем трое остальных мужчин-кандидатов наук, живших с ним в одной комнате, ходил с чайником за водой или мыл посуду. Делал он это как человек, не чурающийся домашних дел.

Позднее не один раз в разговорах Д.И. не скрывал своего удивления, как это другие мужчины не умеют или не хотят участвовать в домашних делах. Судя по всему, он не только справлялся с бытовыми обязанностями, но и делал это легко и с присущей ему ответственностью. Иначе и быть не могло, потому что его жена Мария Алексеевна помимо работы в школе все свободное время отдавала главному делу своей жизни – организации в Москве музея ее деда Всеволода Эмильевича Мейерхольда. И Дмитрий Игнатьевич оставался дома с двумя тогда

еще маленькими сыновьями – Алешей и Сережей.

Валентей был блестящим организатором. За короткий срок с 1965 г. ему удалось пробить через советско-бюрократическую систему целый ряд решений, важных для утверждения демографической науки и образования. В результате на базе Центра народонаселения возникали новые направления работы.

В 1967 г. создана кафедра народонаселения, в 1968 г. - центр по изучению проблем народонаселения, тогда же – координационный Совет МГУ по народонаселению и трудовым ресурсам, объединивший 9 факультетов МГУ. В 1973 г. начато издание ежеквартальных сборников серии «Народонаселение», которое продолжалось до 1988 г. С 1975 по 1992 гг. при Центре народонаселения действовали курсы ООН по народонаселению для англоязычных специалистов из развивающихся стран. В 1975 г. началась работа над первым в мире русским изданием «Демографического энциклопедического словаря», вышедшего в издательстве «Советская энциклопедия» в 1985 г. С 1984 по 1992 гг. в Центре народонаселения функционировало отделение по переподготовке кадров специалистов по демографии.

Кроме того, Д.И. подготовил под своей редакцией около 25 коллективных монографий и сборников, организовал десятки научных конференций и семинаров по проблемам народонаселения, возглавил разработку целевых комплексных программ для решения разных аспектов демографического развития на уровне всей страны или отдельных регионов, в частности Москвы. Активное участие Валентея способствовало созданию проблемной лаборатории народонаселения в Ташкенте, демографической лаборатории в Латвийском университете, кафедры демографии в филиале экономического факультета МГУ в Ульяновске и другие учебные или научные демографические ячейки в бывших союзных республиках. Как уже говорилось выше, благодаря предложению Центра народонаселения создан Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, который возглавила тогда Н.М.Римашевская. Всю эту колоссальную работу он осуществил менее чем за 30 лет работы в университете.

Для написания различных обращений в высокие органы страны, справок и обоснований проблемы он привлекал многих сотрудников нашего Центра. Затем, когда открывалось новое направление, не только преподаватели, но и многие научные

сотрудники должны были участвовать в чтении лекций и руководстве курсовыми, дипломными работами, диссертациями, в рецензировании диссертаций для защиты на нашей кафедре и т.д. Многие принимали участие в организации и проведении конференций, семинаров, совещаний. Нередко приходилось участвовать и в том, и в другом, и в третьем. Было такое ощущение, что валентеевские начинания лились непрерывным потоком.

Конечно, его опорой в научных и учебных делах были в первую очередь кандидаты и доктора наук или сотрудники, близкие к защите своих диссертаций. Но доставалось и его неостепенным помощникам. Сколько бы в его распоряжении ни было человек, Д.И. каждому находил поручение. Вся его кипучая деятельность создавала дополнительную нагрузку не только на него, но и на нас.

И мы роптали, высказывая свое недовольство на заседаниях и особенно вне их. Когда же Валентей затевал «пробивание» очередного дела, мы вздыхали, порой возмущенно. Только позднее стало понятно, насколько упорно наш шеф стремился соединить научные достижения в демографии с запросами практики, считал самым важным, чтобы наука не стояла в стороне от жизни, а помогала улучшать ее. Он торопился достичь этого. Мне кажется, если бы Дмитрий Игнатьевич работал только как ученый, не отвлекаясь на бесчисленные организационные вопросы, он достиг бы в науке намного большего, потому что в нем ощущался огромный творческий потенциал теоретика. Но, наверное, он не мог жить по-другому.

Во всех организационных делах немалый труд ложился на его помощников - Л.Н.Казакову, В.Х.Эченике, Н.Г.Джанаеву и других, а также машинисток. У Валентея был катастрофически неразборчивый почерк (почерк гения), который он сам не всегда мог разобрать. Когда перепечатывали его текст на машинке и спрашивали Д.И., что означает какое-то непонятное слово, он скороговоркой отвечал: «Спросите что-нибудь полегче». Но все равно сам пытался по смыслу определить, что означает непонятное слово. Насколько помнится, не всегда ему это удавалось. Поэтому он часто диктовал своим помощникам, а те записывали его мысли и уже без затруднений перепечатывали на машинке.

У Дмитрия Игнатьевича была и некоторая невидимая деятельность, имевшая важное значение и требовавшая обязательного его участия. В противном случае дело могло

сорваться. Помню, как готовилась к первому выпуску в свет в 1971 г. в издательстве «Мысль» монография «Марксистско–ленинская теория народонаселения». Д.И. почувствовал, что книгу по идеологическим мотивам могут не разрешить. Он попросил меня посоветоваться с редактором нашей монографии от издательства В.И.Бударинной (которую я хорошо знала), что нужно сделать, чтобы книга увидела свет. Редактор порекомендовала дать в начале книги одобрительную оценку академика Струмилина. Д.И. последовал этому совету, и монография вышла. Можно себе представить, сколько в жизни Валентея было подобных эпизодов, о которых мы и не знаем, но на которые наш шеф должен был тратить силы.

Стиль работы Валентея для меня яснее всего проявился при издании научно-популярных тематических сборников серии «Народонаселение», главным редактором редколлегии которой был Д.И. С 1973 г. (с первого номера) и до прекращения этой серии в 1988г. я работала вначале ответственным секретарем, а затем – зам. главного редактора. Валентей всегда сам вел заседания редколлегии, сам читал все или почти все статьи и высказывал замечания на редколлегии. Когда издательство «Финансы и статистика» потребовало, чтобы названия сборников были броскими и привлекали читателей, Д.И. чаще остальных членов редколлегии находил удачные названия. Он прекрасно чувствовал яркость и многозначность слова, и здесь сказывался его большой журналистский опыт, в том числе работа в журнале «Экономические науки» (ныне «Российский экономический журнал»).

Сборники «Народонаселение» выходили регулярно, как периодические издания. Других таких изданий по народонаселению у нас не было, хотя во многих странах, включая социалистические страны Восточной Европы, демографические журналы выходили уже не один год. Однако ЦК КПСС почему-то не разрешал издавать наши сборники как периодические. Валентей положил очень много сил на то, чтобы добиться разрешения хотя бы на нумерацию сборников. Ее разрешили ставить только в 1977 г. с 17-го номера, и то не на обложке, а на титульном листе. Валентей был рад и этому (все же удалось издать 55 тематических сборников «Народонаселение»).

Он не скрывал своего удовлетворения, увидев, что в разных отделах Совмина СССР многие сборники «Народонаселение» стоят

в кабинетах начальников, пользовавшихся ими почти как настольными книгами. Его радовало, что высокие чиновники соприкасаются с демографическими проблемами через наши сборники.

Непрерывная организационная работа изматывала Д.И. Не раз приходилось слышать от него, что у него больше нет сил пробивать очередное нужное дело. Но скоро силы к нему возвращались, и он опять принимался за свои начинания.

Нельзя было себе представить, чтобы Д.И. проявил невнимание к тому, что было связано со студентами. По его инициативе (по-моему, с конца 70-х до конца 80-х годов) по разным аспектам народонаселения преподаватели и научные сотрудники Центра вели кружки, или секции, для студентов. Валентей был в курсе всех больших и малых научных успехов студентов. Он предложил публиковать в сборниках «Народонаселение» студенческие статьи (и мы это сделали) на основе наиболее удачных их докладов или курсовых и дипломных. Естественно, доработка и редактирование этих статей требовали немало сил от руководителей студентов.

Когда был всплеск воспитательной работы со студентами общежития, преподаватели кафедры и Д.И. несколько лет ходили в гости к студентам. Для Валентея такие посещения не были формальной обязанностью. Он относился к ребятам как-то породительски и говорил, что студенты в общежитии оторваны от семьи и первые годы в университете испытывают одиночество.

Дмитрий Игнатьевич умел подбирать кадры. С самого возникновения нашей лаборатории он ринулся создавать научный коллектив для реализации провозглашенного им комплексного подхода. У нас работали и психологи, и медики, и юристы, и философы. Большинство из них не смогло найти себя в нашей проблематике и быстро покинуло лабораторию. Понятно, что был интенсивный оборот кадров. Но постепенно все утряслось, и наиболее готовыми к работе в ЦН оказались экономисты и географы, в основном из МГУ, и демографы – выпускники МЭСИ. Потом коллектив ЦН больше всего пополнялся выпускниками географического и экономического факультетов МГУ, особенно - нашей кафедры.

Женщины в ЦН по численности преобладали. В период 70-х - начала 80-х годов мужчины экономфака стали говорить, что

Валентей собрал не только умных, но и самых красивых на факультете женщин. Очевидно, на каком-то интуитивном уровне у Д.И. и при подборе кадров срабатывало его равнодушие к красоте во всем, в том числе и в женщинах. Его понимание красоты и умение создавать ее мы увидели, прочитав вышедшие отдельной книжечкой уже после смерти Д.И. его рассказы для детей, опубликованные полвека назад в «Мурзилке».

Три десятилетия мы наблюдали Валентея не только как учителя и руководителя, но и как коллегу. Я тяготела к теоретико-методологическим исследованиям и внимательно вникала в суть научных разработок Д.И. Было видно, как он сам менялся, развивался вместе с нами, переходя от общетеоретических, порой идеологизированных утверждений к жизненно важным вопросам развития населения. Круг его научных интересов в полном объеме стал ясен, когда Мария Алексеевна Валентей после смерти мужа передала его личную библиотеку Центру народонаселения. Здесь кроме демографических изданий было много книг по теории систем, науковедению, философским вопросам развития общества, социологии, по вопросам права, геронтологии и др.

Д.И. искренне считал марксистско-ленинскую теорию единственно правильной и способной дать ответы на любые вопросы о развитии общества. Однако когда он сталкивался с выводами своих коллег, противоречащими марксизму, он был терпим и не бросался разбивать «заблуждающегося». Он умел проявлять широту и демократичность, не давить марксизмом и авторитетом руководителя.

Он также умел признавать свои ошибки. В этом я убеждалась не один раз. Например, в 1967 г. на международную конференцию в Варне я написала доклад «Уровень жизни и рождаемость». Д.И., прочитав доклад до отправки в Варну, сказал мне, что не поздравляет меня с такой темой и с выводами доклада, но доклад разрешил послать. Возвратившись из Варны, Валентей счел необходимым сказать мне, что мой доклад обратил на себя внимание Э.Валковича (председателя одной из секций конференции). При этом Д.И. не скрывал удовлетворения моим небольшим первым успехом.

Когда в 1972 г., готовясь к защите кандидатской диссертации, я написала автореферат, где использовала понятие «потребность в детях». Д.И. посоветовал изъять его из

автореферата. Я последовала его совету, но как раз в это время «потребность в детях» ворвалась в понятийный аппарат демографов и социологов, потому что она уже витала в научном воздухе. И Дмитрий Игнатьевич сам стал употреблять это понятие в своих работах.

В 1974 г. для сборника «Демографический анализ рождаемости» серии «Народонаселение» я написала статью о влиянии дифференциации уровня развития производительных сил на различия рождаемости в республиках СССР. На заседании редколлегии моя статья была отвергнута Валентеем и некоторыми другими членами редколлегии. Статья противоречила марксистским выводам о решающей роли производственных отношений для тенденций демографических процессов, в том числе рождаемости.

В начале 80-х годов мы начали готовить коллективную монографию «Особенности демографического развития в СССР» (вышедшую в 1982 г.). Идея о решающем влиянии дифференциации технико-экономического уровня на различия в демографических процессах на примере всех республик СССР стала стержневой для книги. Прошло всего 7-8 лет с 1974 г., и у Д.И. уже не возникало никаких схоластических суждений о роли производственных отношений. Он горячо принял нашу монографию.

Еще один пример того, как Валентей был способен освободиться от налета идеологии. В конце 80-х гг. в своей научной теме на примере всех республик СССР я показала, что среднеазиатские республики испытывают все большее давление быстрого роста численности населения на темпы их социально-экономического развития. Выводы были сделаны на основе анализа огромного статистического материала за три десятилетия. Они совпадали с мальтузианскими взглядами. Д.И. высказал свои сомнения в правильности моих выводов.

Примерно через год во время какого-то научного обсуждения Дмитрий Игнатьевич спокойно сказал, что он изменил свое отношение к Мальтусу, и его категорическое отрицание мальтузианства было заблуждением. Мне кажется, что во всех случаях несогласия с выводами коллег у него проявлялась не только идеологическая подоплека, но и желание оградить нас от неприятностей, которые могут последовать из-за отступления от марксизма. Но и при этом сохранялась свобода научного творчества. Каждый мог выбирать любую тему, лишь бы она

увязывалась с научной темой сектора и Центра.

Д.И. очень тяжело переживал в 1977 г. трагическую смерть ректора университета Рэма Викторовича Хохлова, произошедшую во время его альпинистского похода. У Валентея с молодым ректором сложились отношения полного взаимопонимания. Хохлов поддерживал все начинания нашего шефа. Когда в 1975 г. Д.И. поделился с ректором своей идеей о подготовке к изданию «Демографического энциклопедического словаря», Хохлов не только поддержал этот замысел, но и предложил Валентею для работы над энциклопедией Д.К. Шелестова, очень опытного редактора и талантливого ученого-историка. Шелестов стал правой рукой Валентея во всей работе над словарем. После смерти Рэма Викторовича у Д.И. в кабинете появился портрет нашего ректора в рамке, который воспринимался как портрет родного нашему шефу человека.

Трудно вообразить себе другого человека, который так умел бы не отдыхать. За все время работы в нашем коллективе он только раз или два уезжал в дом отдыха или санаторий, чтобы через полторы недели оттуда убежать. Он всегда проводил лето в Малоярославце. Его помощники и заместители держали с ним связь либо через Марию Алексеевну, либо по телефону, который позже появился в Малоярославце. Ему постоянно переправлялись материалы – рукописные главы очередной монографии или статьи для сборника, или главы очередной чьей-то диссертации. Каждую неделю, как правило, на машине преподавателя кафедры Г.Ш.Бахметовой, если она в это время была в Москве, отвозили новую порцию работы для Валентея в его «малый город». При других обстоятельствах нарочные отправлялись на свидание с шефом своим ходом – на электричке. И здесь были задействованы в основном мужские силы Центра. Валентей был неумным и всегда работал во время своих отпусков, вовлекая и летом в свою рабочую орбиту сотрудников Центра.

В 1991 г. я подала заявление о выходе из КПСС. Наш парторг Э.Ю.Бурнашев оттягивал обсуждение вопроса на собрании. На одном из заседаний ученого совета Д.И. сел впереди меня. Очевидно, он только что узнал о моем заявлении, и быстро повернувшись, сказал мне, впервые обратившись на «ты»: «Ты что, с ума сошла?». И это прозвучало не «Как ты посмела!», а как «Ты представляешь, что тебя ждет!».

Главное же обнаружилось потом. После смерти Дмитрия Игнатьевича наш бывший парторг сказал мне, что и Валентей через короткое время после меня подал заявление о выходе из партии, но Бурнашев не выносил на собрание и его заявление. Вскоре партию распустили, и о заявлении шефа так никто и не узнал. Уже после ухода из жизни Валентея я спросила у Марии Алексеевны об этом его поступке. Она пояснила нам так. Отец Д.И. был репрессирован в 1937 г., но что с ним случилось в заключении, Дмитрий Игнатьевич не знал. Уже в годы перестройки он запросил документ о судьбе отца и получил ответ, что отец его был расстрелян. Тогда-то Валентей и захотел выйти из партии.

Валентей никогда не подчеркивал свое знакомство с кем-нибудь из известных людей, хотя благодаря Марии Алексеевне он был знаком со знаменитыми актерами и другими людьми. Мы совершенно случайно узнали, что он учился в одном классе московской школы в центре (кажется, в районе Тверской ул.) с Е.Г.Боннэр, вдовой академика Сахарова. После окончания школы, т.е. полвека их пути никак не пересекались. И велика же была его радость, когда Боннэр прислала ему с дарственной надписью свою книгу. Таким сияющим я его никогда не видела.

Д.И. умел вносить неформальную теплоту в отношения с коллегами, хотя это порой бывало непросто в силу возрастных различий между ним и многими из нас. Он, как правило, был в курсе личных обстоятельств каждого и проявлял внимание к семьям коллег, особенно если считал их своими товарищами. Например, когда у его любимой ученицы Наташи Зверевой родился сын Артем, и она подарила Валентею его фотографию, Д.И. поместил фотографию за стекло шкафа в своем кабинете. Порой он сам интересовался, как обстоят дела у мужа или у жены кого-то из нас, потому что если не лично, то по телефону Д.И. был с ними знаком.

Многие из нас, в первую очередь его постоянные помощники Л.Н. Казакова, Т.К. Смолина и другие, бывали у Валентеев дома. Он любил говорить о семейных делах с близкими ему товарищами. О своей семье и семейных трудностях Дмитрий Игнатьевич рассказывал либо задушевно, либо с юмористическим оттенком.

По поводу своих сыновей Алексея и Сергея, не единожды вступавших в брак, Д.И. говорил: «Я не знаю, сколько у меня невесток и сколько из них носят мою фамилию». Был период, когда

Дмитрий Игнатьевич и Мария Алексеевна находились в состоянии перманентного накапливания денег на очередную кооперативную квартиру для кого-то из своих сыновей. При этом как бы он ни сокрушался или, наоборот, ни острил, всегда ощущалось, что семья для него свята.

О чувстве юмора Д.И. надо говорить особо. Он любил смеяться над потешным выражением, сказанным другим человеком, или над комичной ситуацией. Если это случалось в застолье, то он одним из первых начинал хохотать, откидывая голову немного назад, иногда скороговоркой добавляя к сказанному что-нибудь свое. Он и сам «творил» юмор и делал это блестяще.

Во время выступления перед слушателями, когда он был в ударе, блистал своим остроумием. Сказав что-нибудь этакое, он сам оставался серьезным, выжидая прекращения смеха аудитории, отводил взгляд вправо, немного вниз. Сейчас приходится сожалеть, что многое, связанное с Валентеем, в том числе перлы его остроумия, осталось не записанным (если это вообще было возможно). Манерой рассказывать с юмором, чертами лица и жестами старший сын Алексей и Д.И. похожи друг на друга, как два пятака.

Из смешных обыгранных им ситуаций запомнилась такая. В 1989 году, когда дефицит «крепчал» и невозможно было приобрести самые элементарные повседневные товары, мне удалось в нашем университетском ателье сшить хорошие брюки для сына. Я отблагодарила мастера за работу, и у меня установился с ним деловой контакт. Как-то из нашего разговора Д.И. узнал об этом и озабоченно (было видно, что проблема имеет для него немаловажное значение) попросил, чтобы я помогла ему тоже сшить брюки. Пошивочная акция прошла успешно, и шеф теперь появлялся в новых брюках. Первое время, входя в нашу комнату, если в ней не было лаборантов, он говорил: «Мария Алексеевна передает вам большое спасибо за штаны» или «Видите, я в ваших штанах. Если бы не ваши штаны, я не смог бы ходить на работу» (в общем, гуси Рим спасли).

Сотрудники Центра народонаселения, которые знали его давно, были лично знакомы и с Марией Алексеевной. Хотя она служила как бы фоном нашего общения с Д.И., но производила впечатление самостоятельного голоса в согласованном семейном дуэте. Даже по малоприметным мелочам угадывалось, что Мария

Алексеевна и Дмитрий Игнатьевич - две неразрывных половины. Наверно, как в каждой пусть и благополучной семье, у них случались размолвки, но нам они были не видны.

По своей активной общительности и умению сходитья с людьми Мария Алексеевна не уступала Дмитрию Игнатьевичу. Здесь проявлялись ее открытость, непосредственность и способности организатора. Помнится, я только поступила в аспирантуру и всего один или два раза побывала у них дома. Мария Алексеевна однажды сама позвонила мне с просьбой прочитать корректуру книги о Мейерхольде. Я опешила от неожиданности, но быстро поняла, что это стиль ее общения. Корректурa, конечно, была прочитана. Тогда же я узнала, что Мария Алексеевна - внучка Мейерхольда.

Прямотой и решительностью Мария Алексеевна была похожа на свою мать Татьяну Всеволодовну Воробьеву, с которой мне посчастливилось познакомиться. Отсидев в лагерях как дочка Мейерхольда, Татьяна Всеволодовна после освобождения не без помощи Валентеев приобрела дом в Малоярославце. Я жила у нее дня три, проводя опрос жителей этого города.

Ее черные глаза запоминались сразу. (Некоторое время я даже ловила себя на том, что и голубые глаза Мейерхольда кажутся мне черными). В Малоярославце я невольно присутствовала при ее разговорах с родственницей, жившей тогда с ней. Через речь Татьяны Всеволодовны порой протекал матерок, (абсолютно не характерный для интеллигентов того времени), придававший дополнительную образность ее речи. Она была обаятельная, живая, но не суетливая, внутренне решительная, и напоминала ртуть. Д.И. любил проводить лето за своей работой в Малорославце с Татьяной Всеволодовной. Зимой же, особенно в свои последние годы, она жила в Москве у дочери и Д.И.

Младшего сына Марии Алексеевны и Дмитрия Игнатьевича Сережу, который в период моего пребывания в Малоярославце был младшим школьником, в семье звали Серый (не только по созвучию с его именем). Он действительно был светловолосым с пепельным оттенком. Позднее мне стало известно, кажется, от Д.И., что Татьяна Всеволодовна была первая женщина – руководитель коневодческого совхоза. И это послужило для меня дополнительным объяснением, почему «Серый». Просто Серый (в яблоках) стоял в одном ряду с наиболее распространенными

лошадиными мастьями вороной, каурый и т.д.

Общение с животными было неотъемлемой частью их быта. Оно было унаследовано, очевидно, от Татьяны Всеволодовны. Пока сыновья не выросли, в доме жили маленькие пушистые собаки, хотя тогда мода на собак еще не была всеобщей. Иногда, звоня Валентею, приходилось слышать от Марии Алексеевны, что Д.И. пошел гулять с собакой и вернется через полчаса, вместо краткого ответа без пояснений: позвоните через полчаса. И в этом также проявлялась открытость Марии Алексеевны.

Она помогала Дмитрию Игнатьевичу создавать в Центре обстановку неформального общения. На юбилейные даты мужа приглашала многих сотрудников нашего Центра к себе домой, при этом готовила превкусные угощения. Кулинарка она была непревзойденная, особенно славилась своими пирогами. Когда приезжали коллеги Д.И. из наших республик или из других стран, они обязательно попадали к Валентеям в дом на ее угощения. Хлебосольная хозяйка - это как раз о ней.

Дмитрий Игнатьевич приходил на работу одним из первых. Шел с улицы Дмитрия Ульянова в университет и возвращался с работы, как правило, пешком. Весь день он пил только кофе, никогда не обедал и не перекусывал, приберегая аппетит для дома. Когда он задерживался в университете, Мария Алексеевна иногда звонила ему, чтобы узнать, скоро ли он придет домой обедать.

По всему чувствовалось, что Мария Алексеевна любила свой дом. Их трехкомнатная квартира, куда они переехали в конце 60-х годов, в основном большая комната, была обставлена старинной мебелью красного дерева. Мебель не представляла собой единый гарнитур, Мария Алексеевна приобретала ее отдельными предметами.

О том, что Мария Алексеевна купила очередной предмет антиквариата, мы узнавали от Д.И. или догадывались по тому, что у него не всегда в те дни оказывалась необходимая сумма денег (когда были нужны небольшие деньги на что-нибудь для Центра, Дмитрий Игнатьевич давал их из своего кармана). Д.И. не высказывал недовольства по поводу ее антикварной «болезни», длившейся с конца 60-х до конца 70-х годов. Иногда в связи с этим у него проскальзывал только привычный юмор. А мебель вместе с посудой (старинной и не старинной, но красивой) придавала жилью Валентеев музейный облик. Мария Алексеевна тоже питала

слабость ко всему красивому. Но мне кажется, что Мария Алексеевна приобретала антиквариат с расчетом и верой, что он понадобится для музея ее деда.

Некоторые мелочи выявляли в ней простоту глубоко интеллигентного человека. Она называла Дмитрия Игнатьевича не Дима, а Митя, хотя тогда мода на простые русские, даже деревенские имена еще не охватила горожан. Мария Алексеевна умела молча выслушивать говорившего, иногда даже казалось, что она не слушает, настолько ее лицо бывало застывшим. Но ее быстрые и точные ответы показывали ее внимательность к собеседнику. Нельзя представить ее одетой и причесанной по моде, она не придавала этому большого значения. Но в нужных случаях выглядела, безусловно, элегантно.

В Марии Алексеевне была цепкость хорошего организатора и одновременно непосредственность. Если ей что-то было нужно для дела, она без колебаний обращалась к тому, кто мог ей помочь. Так было с чтением корректуры книги о Мейерхольде, о чем она меня попросила. Так бывало с машиной преподавателя нашей кафедры Г.Ш.Бахметовой, не раз помогавшей что-нибудь перевезти.

В этих и других фактах угадывалась непосредственность человека, который считает, что если кто-то может сделать доброе дело, то почему нельзя попросить его об этом. И сама она отвечала людям добром и отзывчивостью. Например, некоторые сотрудницы нашего Центра не раз обращались к ней с просьбой достать им билеты в театр на престижный спектакль. И Мария Алексеевна никогда не отказывала.

Дмитрий Игнатьевич порою пытался умирить ее настойчивость. В коротких разговорах с ней по телефону, когда она звонила из дома и о чем-то ему рассказывала, он говорил: «Маша, так не нужно, ты чересчур...». Это, чаще всего, касалось еще не созданного музея Мейерхольда. Иногда, кстати, он посвящал нас в дела Марии Алексеевны по организации музея, говорил о том, кто ее поддерживает (среди них назывались Ильинский, Свердлин, Мартинсон и некоторые другие). Рассказывал, что принято решение о передаче квартиры Мейерхольда музею, что сейчас в квартире живет одинокая пожилая женщина, поэтому музей пока не откроется. По всему чувствовалось, что музей Мейерхольда - общее детище Валентеев.

Манера Марии Алексеевны давать характеристики людям

отличалась определенностью и краткостью. Если приходилось обсуждать с ней телевизионную передачу или спектакль и при этом фигурировало известное ей имя, она лаконично говорила: «Он хороший человек» или «Он дурак».

После смерти Дмитрия Игнатьевича в 1994 году Мария Алексеевна не оставила Центр народонаселения своим вниманием. В течение восьми лет в день рождения Дмитрия Игнатьевича в сентябре и в день его памяти в декабре она собирала нас. Мы встречались в три часа на Ваганьковском кладбище, шли поклониться ему и положить цветы на его могилу и могилу Татьяны Всеволодовны, которая лежит с ним рядом. Потом мы отправлялись к ней домой (она переехала в однокомнатную квартиру рядом с Ваганьковским кладбищем) помянуть Дмитрия Игнатьевича. Каждый раз сыновья Алексей и Сергей приходили со своими семьями. И, как всегда, у нее дома было красиво, вкусно и душевно. В этом проявлялось очень многое и для нее, и для нас. Она как будто и через нас хотела быть связанной со своим мужем. Как будто стремилась не дать нам потерять уровень, на который нас вывел Валентей. Ведь никто, как она, не знал, что значит организовать и прочно поставить на ноги большое дело - музей ли, наш ли учебно-научный центр.

Мария Алексеевна очень тяжело переживала смерть мужа, при каждой встрече с нами она принималась плакать, считая себя виноватой в скоропостижной смерти Дмитрия Игнатьевича. Он умер, когда Мария Алексеевна уехала в командировку по делам пензенского музея Мейерхольда. Она настолько верила в свои силы и привыкла решать самые трудные задачи, что ей казалось: если бы она не была в Пензе, то отвратила бы смерть мужа, не дала бы ему уйти.

Ее регулярное общение с нами помогало сохранять ощущение теплоты Валентеевского дома, а она все больше открывала нам характер нашего руководителя. Она называла Дмитрия Игнатьевича святым человеком, потому что он широко смотрел на все, был щедр. Когда, наконец, начали оборудовать музей Мейерхольда, и Мария Алексеевна спрашивала у мужа, можно ли взять для музея часть их домашней мебели, то Д.И. всегда отвечал: «Ну, конечно, Маша, бери».

Мы знали, что Д.И. в молодости печатал рассказы в детском журнале «Мурзилка», но представления не имели, что это за

публикации. Мария Алексеевна издала на свои деньги маленькую книжечку этих рассказов Валентея и подарила каждому из нас. Его рассказы о животных севера настолько прелестны по языку и добры и глубоко по психологии, что их невольно хочется называть стихами.

Она вспоминала, что перед женитьбой (т.е. в 50-е годы) они с Дмитрием Игнатьевичем не могли решить, какую фамилию ей взять - Мейерхольд, Мунд или Валентей. Мейерхольд - немецкая, и слишком подчеркивала родство с Всеволодом Эмильевичем, а это могло принести в то время неприятности. Мунд - еврейская фамилия ее бабушки, первой жены Мейерхольда. Но и Валентей - как сказала Мария Алексеевна, «хрен редьки не сваше» (у Марии Алексеевны был почти незаметный дефект произношения «л» и шипящих звуков). В конце концов, остановились на «Валентей», хотя она и была итальянкой (отец Дмитрия Игнатьевич был итальянцем, репрессированным в 1937 г.).

Мария Алексеевна всегда приглашала нас в музей и просила, чтобы мы обязательно предупредили ее о своем приходе. Когда мы в первый раз пришли группой в музей, она не только подробно показала нам его, но и организовала концерт молодого интересного пианиста. Потом был чай с берлинскими пирожными, которые Мария Алексеевна специально для нас купила на свои небольшие пенсионные деньги в ныне уже не существующем, позднее построенном втором здании гостиницы «Националь».

Последние года два она стала совсем плохо ходить из-за больных ног. Это создавало впечатление ее физической немощи. Она не улыбалась и оставалась с застывшим лицом. Но ее память и реакция на сказанное собеседником сохранились великолепно. В последний наш сбор у нее 15 сентября 2002 г. в связи с восьмидесятилетием Дмитрия Игнатьевича зашел разговор о предполагаемом сносе исторического здания манежа. Она сразу же среагировала и сказала, что пойдет (с ее-то ногами) в первых рядах на демонстрацию против этого бездумного решения.

Находясь уже в больнице в декабре 2002 г., Мария Алексеевна поражала своей прекрасной памятью. Так, она наизусть называла телефоны тех, к кому можно обратиться по некоторым вопросам, относящимся к Д.И.Валентею. Она сказала, что хочет сделать фильм о муже и начала уже подбирать фотографии для этого фильма, но больница прервала эту работу. В связи с

фотографией отца Д.И. она рассказала такую историю. Отец Дмитрия Игнатьевича был одним из первых и известных русских летчиков, участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г., тяжело раненный, он оказался в морге среди убитых. Кто-то случайно заметил, что он пошевелился, и это спасло жизнь отцу Валентею. Его поместили в госпиталь. Это пребывание в госпитале и запечатлено на фотографии. Страшно подумать, что если бы не счастливый случай, мы бы не имели Дмитрия Игнатьевича, не узнали бы Марию Алексеевну.

Спасибо этому Господину-Случаю. Оглядываясь почти на столетие назад, мысленно объединяешь в единую цепь ряд событий, прямо или косвенно относящихся к нашему Центру народонаселения. Прежде всего, это - второе рождение в 1918 г. русского итальянца-летчика Игнатия (наверное, Игнасио) Валентея, о чем нам поведала в последние дни своей жизни Мария Алексеевна. Рождение в 1922 г. самого Дмитрия Игнатьевича. Дату этого рождения помнят и чтят его коллеги и ученики. Благодаря Дмитрию Игнатьевичу Валентею с середины 60-х годов на экономическом факультете МГУ родился научно-преподавательский коллектив, шаг за шагом утверждавший и развивавший новое в отечественной науке направление. Это способствовало у нас все более широкому распространению демографических знаний и осознанию необходимости реализации их на практике, в частности, в проведении демографической политики. О демографической политике в СССР Д.И. и весь коллектив писали Обоснования и Предложения в высшие руководящие органы страны не одно десятилетие. Этому посвящали много статей и книг.

Связующим звеном в цепи событий из жизни Центра является, конечно, Д.И. И, возможно без него, многое в изучении народонаселения развивалось бы другим путем и не в те сроки. И судьбы многих из нас сложились бы по-другому.

Дмитрий Валентей

РАССКАЗЫ

Строгая мать

(Страничка из полярного дневника)

Наш остров находится очень далеко на Севере, но тот год выдался необычный: льда не было до самого горизонта, а может, и дальше. Мы удивлялись такому явлению и даже сообщили по радио в Ленинградский арктический институт, что льды нас покинули.

В свободное от работы время мы со Степановым – моим товарищем по зимовке - частенько поднимаемся на единственную нашу возвышенность и смотрим оттуда в море. У дымчатого горизонта спокойно серебрится зелено-голубая вода, играют вперегонки седые пенистые барашки. В эти минуты так полно ощущаешь величие и силу могучего Ледовитого океана...

Однажды после обеда, передав нужные радиogramмы на остров Диксон, Степанов пошел полюбоваться морем. День был на редкость хорош: негреющее, лишь светящее солнце круглые сутки скользило над нашими головами по безоблачному небу. Но я не мог последовать за Степановым: мне надо было записать показания метеорологических приборов. Вдруг слышу отдаленный голос товарища. Оборачиваюсь и вижу, что Степанов делает мне знаки: иди сюда скорей!

Что такое случилось? Неужели корабль без предупреждения направляется к нам? Не может этого быть. А Степанов все кричит и машет рукой.

Я быстро записал показания приборов и побежал к возвышенности.

- Смотри,- Степанов протянул мне бинокль, - вон туда. Видишь?

В стеклах бинокля лишь колыхается водяная гладь.

- Левее, левее,- говорит Степанов.

Тут я увидел льдину.

-Угу, вижу. Первая, значит...

А на льдинке? Что ты видишь на льдине?

Я внимательно «ощупываю» льдину глазами и вижу...белую медведицу! Грузно переваливаясь, идет она по краю льдины, то и дело опуская морду к воде.

- Тащи скорее ружье! – говорю я Степанову.

- Подожди, подожди с ружьем. Посмотри-ка получше...

Я напрягаю зрение - и вот уже не могу оторвать глаз от бинокля. Большая белая медведица медленно идет по краю ледяного поля, а в оде близ льдины барахтается медвежонок. Из воды торчит лишь его мордочка и часть спины. Сквозь прозрачную воду видно, как он быстро перебирает лапами, чтобы не пойти ко дну.

Медвежонок часто поворачивается к матери, как бы моля ее: пусти на льдину, устал...

Когда медвежонок приближается к льдине и царапает коготками ее кристально гладкий голубой срез, мать лапой спихивает его назад, и он шлепается в воду, разбрызгивая мириады брызг-хрусталиков.

Медведица продолжает спокойно ходить по краю льдины, а медвежонок, пофыркивая, плывет рядом. Кажется, сил уже нет бороться с глубиной, которая так и тянет его вниз. Вот он подплывает к самому краю льдины, впиивается когтями в ее срез, а затем ив слегка заснеженную ее поверхность. Какую-то долю секунды он задерживается в таком положении- животом на остром крае. Задние растопыренные лапы его повисли в воздухе, и с них ручьем стекает вода. Но медведица вновь спихивает его, и он, не успев повернуться, спиной плюхается в воду

Резким движением медвежонок выныривает на поверхность и мотает головой, выгоняя из носа воду. Боясь отстать, он продолжает плыть за льдиной, тратя теперь, видимо, меньше сил и более уверенно держась на поверхности.

Новая попытка взобраться на льдину на этот раз удачна. Вскочив и отряхнувшись, как это делают собаки, он бежит подальше от воды, а сам косится на мать: не догоняет ли? Но медведица не обращает на детеныша никакого внимания.

Она опустила голову к воде и что-то высматривает там, всем телом опускаясь на льдину. Потом резким движением опускает лапу в воду, и столь же стремительно лапа возвращается назад: в когтях блеснула рыба серебряной чешуей. Описав над льдиной полукруг, рыба падает возле медвежонка.

Рыба бьется, высоко подсакивая надо льдом, а около нее прыгает медвежонок. Наконец он поймал ее и прижал лапой. Затем отпустил и, наклонив голову, то одним, то другим глазом смотрит на нее. Рыба уже не бьется, только плавники тихо колышутся, и ярко-красные жабры вяло открываются и вновь закрываются. Медвежонок толкает засыпающую рыбу лапой: почему-де не прыгает?

Подошла медведица и разорвала когтями трепещущую рыбу. Медвежонок улегся на лед и, схватив обеими лапами рыбку голову, начал есть. Навьись, вытер морду о лед – слева, справа. Он сыт, и ему вновь хочется резвиться. Большими прыжками он пересекает льдину и останавливается у самого края. Оборачивается – мать далеко. Тогда он опускает лапу в воду и быстро отдергивает ее. И так несколько раз...

Потом зигзагами несется на другой конец ледяного поля к матери. Подбежал и остановился метрах в пяти от нее. Смотрит. Та спокойно прохаживается. Медвежонок осмелел, подошел поближе. Мать остановилась и посмотрела в его сторону. Медвежонок подошел совсем близко и вот уже трется о ее лапу, смешно раскачиваясь на своих коротких мохнатых лапах – вперед-назад, вперед-назад. Мать языком приглаживает его взъерошенную шерсть.

Вокруг океан, большой и суровый. Медвежонок не видит его. Что испытывает он в эти минуты блаженства у ног матери? Трудно сказать, он так молод и ничего еще не видел: ни хорошей рыбы, ни тучных тюленей, ни гусиных яиц. Он не знает, что такое стреляющий человек и можно ли подплывать близко к кораблю, если даже тебе сбрасывают самые лакомые вещи. Нет, ничего не знает медвежонок и ничего не умеет, даже плавать... От резкого пинка большой мохнатой лапы медведицы он кубарем летит в воду...

Слава кота Васьки

В заgone, подле устья большой сибирской реки, расположился арктический речной порт. Летом туда заходят пароходы: они сгружают продовольствие, строительные материалы, охотничьи припасы – все необходимое для зимовичкой ближайшей округи.

В этом порту и обитал знаменитый кот Васька. Васька не понимал человеческого языка и потому ничего не знал о своей славе. А слава росла, и вскоре о коте из далекого затона рассказывали уже на острове Диксон и на косе Двух пилотов, в Тикси и Анадыре.

Чем же прославился кот Васька?

Во-первых, Васька – единственный представитель кошачьей породы в наших краях,- отвечают на такой вопрос полярники.- А во-вторых, кот Васька не хуже синоптиков предсказывает погоду: например, если он лезет на печку – значит, дело идет к холоду, к пурге. Запасай продукты, зимовщик! Берегись, каюр, пути! Запроси еще раз погоду, летчик! Будь внимателен и зорек, капитан корабля!

Разве этого мало, чтобы прославиться?

Многие летчики, вылетая в затон, не запрашивают по радио о погоде. Они делают прощ:

«КВ?» - выстукивают они по азбуке Морзе заглавные буквы слов: «Кот Васька?»

А из затона отвечают:

-В печке!

Значит, погода плохая, лететь нельзя.

Приезжая в затон, люди обязательно посещают Ваську, гладят его, берут на руки, чего, кстати сказать, кот терпеть не может. Выходит, будто слава доставляет ему одни неприятности. Но на деле это не так.

Однажды под сильным ветром закружился, завьюжил снег. Люди наглухо закрыли двери и ставни, стали проверять запасы продуктов: ведь никто не знал, сколько продлится пурга – день, неделю или месяц.

Но пурге на этот раз не суждено было разгуляться. Об этом люди узнали от Васьки: вместо того чтобы залезть в печь,

он преспокойно отправился на прогулку в соседний поселок.

Поселок стоял в нескольких километрах от затона. Пороша занесла колею, проложенную нартами, и каюры отказывались ездить в такую непогоду. Но все это не смущало Ваську. Чутье подсказывало ему верное направление, и он мелкой кошачьей рысцой бежал по плотному снегу.

Кот был уже на полпути к цели, когда ветер донес до него какой-то подозрительный запах. Васька совсем не по-кошачьи повел носом: то были лайки. Вскоре Васька увидел и самую упряжку. Но ему вовсе не хотелось сворачивать в сторону, и он присел близ того места, где должны были пробежать собаки.

Зоркие глаза передового, жилистого и сильного пса вскоре увидели спокойно восседавшего Ваську. Большой жирный кот показался ему не то каким-то загадочным черным псом, не то горностаем, чудесным образом забредшим в эти места.

Не обращая внимания на крики каюра, передовой пес бросился в сторону Васьки.

-Хеп, хеп! (Влево!) –надрывался старый каюр.

Но ничто не помогло: разъяренные, голодные, как всегда в пути, лайки с визгом неслись на кота.

-Хеп, хеп!..Ау! Геп, геп, иии...-каюр подражал всем животным, которых когда-либо слышал, желая напугать собак и тем заставить их повиноваться.

-Орел, Орел! - Молил он передового. - На смерть идешь, сверни влево! - кричал каюр по-якутски.

Все было тщетно. Пассажир, закутанный в большую оленью кухлянку, свалился с нарт, а каюр все еще пытался остановить обезумевших собак.

Васька видел налитые кровью глаза и оскал белых больших клыков передового, слышал пронзительный визг собак и дикие крики человека, но не сходил с места и только царапал лед выпущенными когтями. То была не первая его встреча с разъяренными лайками.

Все ближе, ближе упряжка, и вот уже передовой пес оторвался в прыжке от земли, чтобы обрушиться на Ваську...И тут произошло нечто непонятное...

На мгновение кот как бы исчез, и вдруг большой мохнатый комок упал откуда-то сверху на морду разъяренного

пса и выпустил острые когти. От сильной боли Орел шарахнулся в сторону. Связанный упряжкой с другими собаками, он не мог бежать и упал в снег, а те продолжали рваться к Ваське, подминая своего вожака.

Кот, сделав свое дело, отошел в сторону и сначала спокойно уселся на снегу. А затем встал, фыркнул разок-другой, медленно обошел собак и побежал своей дорогой к поселку.

К нартам, запыхавшись, подбежал пассажир, который с минуту назад вывалился в снег, схватил ружье, лежавшее под мехами, и стал целиться.

- Не надо, не надо! – каюр схватил его за рукав. – Это же он,

Васька!

Тут пассажир вспомнил не раз слышанные им рассказы о легендарном полярном коте. Он бросил ружье, торопливо вытащил фотоаппарат, висевший у него на груди под кухлянкой, и несколько раз щелкнул затвором. Но Васька был уже далеко, сумерки сгустились, горизонт был чуть различим.

Моржи

Сентябрь на Чукотском полуострове – глубокая осень. В эту пору на Дальнем Севере люди думают о зимовке. Готовились к зиме и мы. Свежей рыбы было у нас достаточно. В выдолбленных в промерзшей земле ямах – погребках - ее было столько, что хватило бы и нам и нашим собакам не на один год. Степанов хотел припасти еще и моржатины. Я не возражал.

Все чаще дуют холодные ветры. Скоро сплошной белой полосой пойдут с севера льды. Затем они сомкнутся с прибрежным припаем в одно ледяное поле.

Моржи – предвестники плавучих льдов, холодов и туманов. Стадами перекочевывают они на юг и, утомленные далекими переходами, ищут удобных мест на берегу – лежбищ для отдыха. Мы были уверены, что и наши места посетит стадо «морских коров», как иногда называют моржей.

Однажды наш молодой помощник, опытный охотник Казак разбудил нас очень рано.

-Ходил к морю, однако, - сообщил он. – Сегодня-завтра будут. Надо идти.

Мы отправились к заветному мест, и пришли во-время: моржи уже выбрались на берег и спали.

Самцы улеглись в стороне от воды: их огромные туши распластались подле каменных глыб. Большинство из них спали на животе, свесив набок маленькие клыкастые головы. Другие – на боку, обняв лапами соседа. Один огромный, но, видимо, молодой морж спал на спине, бивнями к небу, сложив лапы на груди. Все они громко храпели.

За моржами, ближе к воде, расположились моржихи. У одних прямые, ровные клыки упирались в землю, у других, лежащих на боку, - в затылок соседки. У самой воды расположились два годовалых моржонка: тоненькие клыки говорили об их возрасте.

Мы не собирались запасть моржатины больше. Чем требовалось для зимовки. Трех, средней величины, моржей было достаточно. Одного моржа, лежавшего в стороне от других, мы решили взять гарпуном. Это предложение внес Казак, отлично владевший оружием своих прадедов. Он подошел к моржу и с силой ударил гарпуном в голову зверя. Морж не успел крикнуть. Среди моржей началось движение. Видимо, мы спугнули остальных животных. Берег скоро опустел, осталась лишь одна моржиха, как определили мы по небольшим, прямым бивням и удлинённому телу.

- Уходят, - сказал Казак.

- Тогда еще одного. – И Степанов, подняв ружье, выстрелил.

Моржиха взревела, но было ясно, что ранена она не смертельно. Надо было добить зверя, но Казак вдруг схватил руками дула наших винтовок.

- - Смотри!

К раненой моржихе скакали от морского берега два моржонка, подгибая слабые

Еще лапы под заднюю часть тела. Ее дети – это было ясно...

Чтобы добраться до моря, моржихе надо было переплыть небольшую лагуну, которая образовалась во время прилива. На мгновенье остановившись у края лагуны, она распластала лапы, легла грудью на воду и сразу погрузилась.

Моржата поджидали мать на другом краю лагуны, быстро и равномерно, подобно маятнику, размахивая клыкастыми мордочками.

Раненое животное долго не выходило из воды. Это было странно. Моржи редко проводят под водой больше нескольких минут, но теперь прошло минут семь-восемь. Лагуна не могла быть очень глубокой, тем более для моржа: они часто выискивают донных моллюсков на глубине сорока-пятидесяти метров.

...Но вот вслед за бурлящей, красной от крови водой показалась голова моржихи. Она громко, с каким-то присвистом и криком, втягивала в себя воздух. Затем моржиха вновь погрузилась в воду.

- Зовет на помощь, не может всплыть, -сказал Казак.

И тут на берег выползли два моржа. Опираясь на передние лапы, с задранными ревущими мордами или они к лагуны. В их реве звучало грозное предостережение. Моржи видели нас, но теперь ничуть не боялись.

Вот они погрузились в лагуны, а через минуту-две мы опять увидели пнистый водоворот. Сначала показалась клыкастая голова моржихи, а вслед и желто-бурые туловища моржей. Моржиха, поддерживаемая на поверхности самцами, громко вдыхала воздух. Затем она вновь вместе с моржами опустилась в воду. Так продолжалось несколько раз - раненая моржиха набиралась сил. Наконец она начала медленно подвигаться к берегу лагуны. Мы поняли: моржи тащили ее на себе. С их помощью моржиха выбралась на сушу и, оставляя кровавый след, медленно поползла к морю. Рядом с ней, изгибая спины, скакали моржата.

Моржиха остановилась у воды, около нее барахтались детеныши.

А стадо, в ожидании, плавало из стороны в сторону...

Наконец раненая моржиха, в сопровождении детенышей, бросилась в воду, разбрызгивая ее мощными лапами. Следом сошли и моржи. Они вновь поддерживали ее на воде с двух сторон. Стадо окружило их...

- Туда-а, - протяжно сказал Казак, показывая на большую льдину, почти невидимую в наступивших сумерках.

Бурмистр

Поутру в море мы обратили внимание на страшный переполох среди бургомистров – больших и красивых чаек. Они разлетались в разные стороны и непривычно испуганно голосили. Это поморник – короткохвостая черно-белая птица – гонялся за чайкой, схватившей рыбу. Чайка металась из стороны в сторону; она то распластывалась над самой водой, то, отталкиваясь от волны длинными сильными крыльями, взвивалась в небо. Хищник не оставлял ее, принуждая выбросить уже проглоченную добычу. Загнутый крюком клюв поморника не раз достигал чайку. К водке медленно летели белые перья.

Измученная чайка теряла последние силы. Тогда, видно, пересилив страх, она стремительно скользнула к нашей лодке и плюхнулась на корму. Поморник и тут не хотел оставлять свою добычу. С поразительной скоростью, непрерывно крича, описывал он над лодкой неровные круги. Чайка лежала на канатах, распластав одно крыло и широко открыв клюв. Загнанная вконец, она обмерла и не сопротивлялась, когда гидролог Чернов взял ее в руки.

Так чайка попала на нашу экспедиционную базу. Чернов прозвал ее для краткости Бурмистром.

Чайка скоро оправилась от ударов острого клюва поморника, но первое время тяжело переносила неволю: лежала в ящике, который приспособил для нее гидролог, и ничего не ела. Комната, где жил Чернов, была довольно большая, однако потолок невысокий, и солнце лишь ранним утром проникало косыми лучами на одну из ее стен. После небесных глубин, чем все это представлялось нашей чайке?

Постепенно птица стала осваиваться в необычной для нее обстановке.

Вернувшись как-то с дежурства, Чернов не обнаружил чайки в ящике. Гидролог всполошился: не мог понять, куда она могла деться? Чайка оказалась в углу комнаты, около отверстия в полу, откуда изредка наведывались мыши, чтобы собрать под столом хлебные крошки.

- Вот оно дело какое! – смеялся потом Саша, старый охотник, наш каюр и повар. – Значит, здесь, на Севере чайка

заменяет кошку.

Мы долго обсуждали этот случай, а Чернов, что на день, обогащал наши познания о жизни и повадках птиц.

Однажды он спросил меня:

- Когда ты засыпаешь, твои веки опускаются вниз и прикрывают глаза, так ведь?

- Конечно. Твой бурмистр, видимо, поступает иначе? – иронически заметил я.

- Представь себе, да! Его веки поднимаются снизу вверх.

- Жалко мне вас, горожан, – засмеялся дядя Саша. – Дичь – то вы только на прилавке видите. У всех птиц так.

Со временем Бурмистр ел уже из наших рук, стремительно схватывал заснувшую рыбу, точно она может нырнуть в глубину. Когда не было рыбы, чайка не отказывалась от яиц и от остывшей моржатины.

С каждым днем птица все более привязывалась к людям, да и мы очень привыкли к ней. Когда Чернов работал за столом, чайка подолгу сидела подле и моргала глазами снизу вверх.

Случилось, в ожидании хозяина Бурмистр целый час просидел у открытой форточки и не улетел: то ли ему казалось, что перед ним по-прежнему стекло, о которое он не раз уже больно бился головой и крыльями, то ли, не видя в воздухе других чаек, не решился вернуться на свободу.

Мы стали выносить Бурмистра на воздух. Полетав и расправив занемевшие крылья, он опускался на штабеля бревен или на карнизы построек. Теперь он откликался на зов, и мы перестали опасаться за него: не улетит.

А солнце все кружилось и кружилось над нашими голосами. Однако движение его становилось все более вялым, круги все шире и шире. Оно охладевало к нам и все ниже спускалось к горизонту. Полярное лето шло на убыль, надвигалась полярная ночь. Птицы косяками уходили на юг, одни – далеко-далеко, другие – лишь в материковую тундру. Проплыли на юг и моржи – верные предвестники льдов и холодных туманов.

Бурмистр вел себя спокойно.

Но однажды случилось то, чего мы с тревогой ждали. Бурмистр бросился к голосащей стае чаек бургомистров, улетавших на юг.

В три голоса мы начали звать его:

- Бур-мистр! Бур-мистр!

Бурмистр ворвался в стаю. Чаек, но, пролетев сквозь нее, стремительно начал снижаться и вернулся обратно к нам.

Мы решили: будь что будет! Нам жаль было расставаться с прирученной птицей, но мы не хотели и заневолить ее. На следующий день – видно, с последней стаей – наша чайка улетела на юг.

Дни стали короткими, тусклыми, а вскоре солнце совсем скрылось с наших глаз. Зимними вечерами мы нередко вспоминали о нашей прирученной чайке. Вернутся Бурмистр или нет? Ведь юность его прошла на нашей базе, а птицы возвращаются на старые, уже изведенные места. И вот пришла весна, кончилась полярная ночь, прилетели чайки. Когда чайки, кружившие недалеко от нас, подлетали совсем близко, мы высматривали среди них нашего Бурмистра, звали его. Но птицы только пугались крика и отлетали подальше. Не раз мы наблюдали, как чайки спасались от хищного поморника. Как-то одна из них бросилась в нашу сторону, но на лету выбросила пойманную добычу, а хищник схватил рыбу, не дав ей упасть в море.

Возможно, это был наш, повзрослевший и набравшийся жизненного опыта Бурмистр.

Д.И.Валентей на демонстрации 7 ноября 1974 г. (самое известное фото).

Дмитрий Игнатьевич Валентей (1922-1994) принадлежал к поколению Всеволода Багрицкого, Ильи Смоленского, Михаила Кульчицкого, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого... На долю этого поколения, как и на его долю, хватило трагедий. Отрочество было омрачено арестом отца (итальянца по происхождению)- одного из первых российских летчиков. Юность была опалена войной: из аудитории Учительского института иностранных языков он шагнул на фронт. Воевал на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, был тяжело контужен. После госпиталя Валентей вновь на студенческой скамье истфака Московского горпединститута. Работал журналистом. Окончив аспирантуру, Дмитрий Валентей сделал окончательный выбор – научно-педагогическая деятельность.

Профессор, доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки России, лауреат Ломоносовской

премии, Председатель Научного совета МГУ «Проблемы народонаселения и занятости», основатель и руководитель Центра по изучению проблем народонаселения, автор многих научных работ.

Творческий поиск часто выводил его на нетрадиционные позиции, и жизненный путь ученого не всегда был ровным и благополучным. Хорошие дела переживают людей, и люди, совершившие их, как Дмитрий Игнатьевич Валентей, продолжают жить в них и в памяти нашей долгие годы.

Однажды, находясь в командировке от издательства «Молодая гвардия», Дмитрий Игнатьевич в результате аварийной посадки самолета, оказался на острове Диксон. Там и родилась идея этих рассказов. Вообще-то автор задумывал написать целый цикл «северных рассказов» для детей и издать их отдельной книгой, но его желанию не суждено было осуществиться...

Чувство доверия рождается от этих рассказов. Вместе с автором мы любим природу севера, в который раз удивляясь премудрости устройства мира и упрямству и щедрости жизни, о которой автор пишет с любовью, свойственной истинному таланту. Пусть эта книга будет памятью о Дмитрие Игнатьевиче Валентее для его родных, близких и друзей.

Москва – 1997

Фотографии из архива Марии Алексеевны Валентей-Мейерхольд

Фото 1. Игнатий Александрович Валентей (отец Д.И.Валентя) на самолёте (первая мировая война, точная дата неизвестна).

Фото 2. И. А. Валентей в госпитале после падения самолета, 7 августа 1918 года.

Фото 3. Фотография с отцом, 23 сентября 1935 года.

Фото 4. С Марией Алексеевной, дата неизвестна.

Фото 5. Майская демонстрация (период работы в Институте иностранных языков), дата неизвестна.

Фото 5. С В.И.Добреньковым и Хафиз Саддык (в кабинете ректора МГУ?).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баженова Е.С. – к.э.н., старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Бахметова Г.Ш. – к.э.н., доцент Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Гришанова Е.Г. – к.э.н., выпускница кафедры народонаселения 1971 г., ведущий специалист ИСПИ РАН

Денисенко М.Б. – к.э.н., заведующий сектором Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Иванов С.Ф. – к.э.н., отдел народонаселения ДЭСВ Секретариата ООН. Нью-Йорк

Кадомцева С.В. – д.э.н., профессор кафедры политэкономики экономического ф-та МГУ

Калабихина И.Е. – к.э.н., доцент кафедры народонаселения экономического ф-та МГУ

Калинюк И.В. – к.э.н., бывший старший научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ.

Калмыкова Н.М. – к.э.н., доцент кафедры народонаселения экономического ф-та МГУ

Мукомель В.И. – д.социол.н., ведущий н.с. Института Социологии РАН.

Ротова Р.С. – к.э.н., старший научный сотрудник кафедры народонаселения и экономического факультета МГУ

Смидович С.Г. – к.э.н., первый зам. начальника Управления Координации экономической политики и контроля за ее реализацией правительства Москвы, член Комиссии Правительства РФ по миграционной политике

Судоплатов А.П. доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ, профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ.

Ткаченко А.А. – д.э.н., профессор кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики РАГС при Президенте РФ, главный редактор Российского демографического журнала

Федотовская Т.А. – к.э.н., зам. начальника отдела социальной политики Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, доцент кафедры семьи и тендерной политики Российского государственного университета

Шаповалова Н.Н. – к.э.н., зам.главного редактора изд-ва «Энциклопедия»

Эченике В.Х. – к.э.н., зам. декана экономического факультета МГУ, доцент.

Содержание:

ПРЕДИСЛОВИЕ (Ротова Р.С., Денисенко М.Б.).....	3
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛИСЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИИ В МГУ (Судоплатов А.П.)	6
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ (Иванов С.Ф)	14
НА КАФЕДРЕ БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ И ДРУЖНЫЙ КОЛЛЕКТИВ (Бахметова Г.Ш.)	18
НАУЧНОЕ И ОРГАНИЗАТОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ (Ткаченко А.А.)	26
ДЕМОГРАФОВ ЖДЕТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ И ИНТЕРЕСНОЕ БУДУЩЕЕ (Федотовская Т.А)	37
РАБОТА РЯДОМ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ЦН (Эченикэ В.Х).....	42
ТАЛАНТ ЭНЦИКЛОПЕДИСТА (Шаповалова Н.Н.)	48
ОН УЧИЛ РАБОТАТЬ И ЖИТЬ (Калинюк И.В.)	50
ДМИТРИЙ ИГНАТЬЕВИЧ НАС ВСЕХ ОБЪЕДИНЯЛ (Денисенко М.Б.)	55
ПЕРВАЯ ПРАКТИКА ПЕРВЫХ СТУДЕНТОВ-ДЕМОГРАФОВ (Баженова Е.С., Кадомцева С.В.)	60
ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ПРАКТИКА (Мукомель В.И.)	64
ПРИ Д.И. КАФЕДРА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ СТАЛА ДОМОМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ (Калмыкова Н.М)	67
ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН? (Калабихина И.Е.)	69
НЕОБЫЧНАЯ ОБСТАНОВКА ДОВЕРИЯ (Смидович С.Г)	76
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К НАРОДОНАСЕЛЕНИЮ В ЖИЗНИ САМОГО ВАЛЕНТЕЯ (Гришанова Е.Г).....	80
РУКОВОДИТЕЛЬ, КОЛЛЕГА И ТОВАРИЩ (Ротова Р.С).....	83
Дмитрий Валентей. РАССКАЗЫ	101
Строгая мать	101
Слава кота Васьки.....	104
Моржи	106
Бурмистр	109
ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ВАЛЕНТЕЙ- МЕЙЕРХОЛЬД.....	114
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119